

ПАСХАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

1926

Христосъ воскресъ!

Сомнѣнья прочь! Христосъ воскресъ —
И дѣломъ симъ Онъ указалъ,
Что нѣтъ уничтоженья, нѣтъ, —
Есть жизнь и только жизнь . . . А то,
Что смертью называемъ мы —
Нашъ добрый другъ: онъ въ мигъ
Духъ тлѣнный нашъ освободитъ
Для жизни бышей въ міръ томъ,
Гдѣ искушеній нѣтъ и слезъ.

Епископъ Германъ.

Утренняя Заря.
Пасхальный номеръ 1926 г.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА ПРЕП. СЕРГІЯ И ГЕРМАНА.

ПАСХАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 1926 Г.

Воскресеніе Христова.

Воскресеніе Христова.

Въ саду Іосифа покой и тишина . . .
 Лишь изрѣдка мечей бряцанье раздаётся.
 Ночь уже почти проведена;
 Гробъ охранять недолго остается . . .
 Блѣднѣетъ тѣма, слабѣетъ звѣздъ мерцанье,
 Листвою вѣтерокъ слегка зашепестилъ и стихъ . . .
 Вдругъ разлилось сіянье:
 То свѣтлый духъ, то ангель прилетѣлъ;
 Былъ видъ его такъ чудно лучезаренъ,
 Что въ страхъ войны попадали предъ нимъ . . .
 Моментъ — и камень гробовой отваленъ
 Все трепетомъ наполнилось живымъ:
 Природа ожила; казалось, въ оживаньи
 Цвѣты головки подняли свои;
 Ихъ ароматъ, ихъ нѣжное дыханье,
 Какъ фиміамъ курился отъ земли . . .
 И розовый, какой-то нѣжный, робкій
 Разлился свѣтъ зари, нѣмой привѣтъ небесъ, —
 Насталъ великій мигъ: — сіяющій и кропкій
 Христосъ восталъ, Христосъ воскресъ!
 Онъ среди солдатъ прошелъ лежащихъ
 И съ благостной улыбкой на устахъ
 Благословилъ весь міръ, и птичекъ щебетающихъ,
 И красоту разлитую въ цвѣтахъ! . . .

Сестра Анна.

Радость Воскресенія.

«Христосъ Воскресе!»

Этими словами мы, православные, обычно привѣтствуемъ другъ друга въ Великій и Свѣтлый Праздникъ Воскресенія Христова. Къ сожалѣнію, многіе изъ насъ, произнося это пасхальное привѣтствіе, дѣлаютъ это лишь по обычаю, по привычкѣ, не обращая вниманія на глубокое содержаніе этого привѣта и часто даже ясно не представляя себѣ того, какъ много сказано въ этихъ двухъ краткихъ словахъ: «Христосъ Воскресе!»

Для того, чтобы понять всю глубину, все величіе этого пасхальнаго восклицанія, перенесемтесь нашею мыслью почти за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, къ тому времени, когда на нашей грѣшной землѣ была принесена Великая Голгофская Жертва. . . .

Скорбя и плача сняли ближайшіе послѣдователи Христа со креста Его холодное и безжизненное тѣло и съ великою душевною тоскою похоронили его въ саду Аримафея. вмѣстѣ съ этимъ бездыханнымъ тѣломъ были похоронены всѣ лучшія ихъ надежды, всѣ самыя свѣтлыя ожиданія. Они думали, что «Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля», и что въ томъ іудейскомъ царствѣ, которое Онъ имѣеть основать, имъ будутъ даны лучшія мѣста. Въ этой своей надеждѣ они отказались отъ всего того, что было имъ дорого, и послѣдовали за Нимъ. Они отказались отъ родителей, отъ своихъ семействъ, отъ своего домашняго очага, отъ прежнихъ привычекъ и занятій, — короче говоря — отъ всего того, что имъ было близко, дорого, цѣнно и любимо, и послѣдовали за Христомъ, послѣдовали именно потому, что буквально поняли Его обѣщаніе, что «нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради Меня и Евангелія, и не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и дѣтей и земель, а въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной» (Мр. 10, 29—30). Но теперь всѣ эти надежды оказались посрамленными: Христосъ умеръ и удѣломъ Его послѣдователей, вмѣсто исполненія ихъ чаяній, были лишь общія насмѣшки и вражда, вражда настолько сильная, что они боялись даже открыто показываться среди людей и были принуждены запереться въ какомъ то жилищѣ (Іоан. 20, 19). Дѣйствительно, были причины для скорьби и сѣтованія . . .

Но вдругъ, на третій день послѣ погребенія Учителя, среди Его учениковъ появился и сталъ распространяться неожиданный и совершенно невѣроятный слухъ, что — «Христосъ Воскресе». Станнымъ и невозможнымъ показалось имъ это извѣстіе. «И показались» — объясняетъ евангелистъ Лука — «эти слова имъ пустыми, и они не повѣрили имъ.» Между

тѣмъ слухи все крѣпли, все увеличивались, и теперь сомнѣнія апостоловъ уже начали смѣняться страхомъ. Они начали понимать, что случилось что-то дѣйствительно необычайное, выходящее изъ ряда обычныхъ событій, чего не можетъ понять и уяснить себѣ человѣческій разумъ, и это сознание наполнило ихъ сердца страхомъ. И именно тогда, когда этотъ ихъ страхъ и удивленіе развились до наивысшей своей точки, вдругъ предъ ними предсталъ Самъ живой Христосъ и сказалъ имъ: «Радуйтесь! Миръ вамъ!» Теперь окончились всѣ страхи и сомнѣнія. Теперь они своими собственными глазами увидѣли, что «Христосъ воскресъ» и это обстоятельство наполнило ихъ души неописуемымъ счастьемъ, безграничною радостью. Оно приковало къ себѣ всѣ ихъ мысли и чувства. Встрѣчая теперь другъ друга, они не могли ничего другого, какъ только восклицать, что «Господь воистину воскресъ!» (Лук. 24, 34). И эти слова не были съ ихъ стороны только простою передачею другъ другу полученной новости. Нѣтъ, это было восклицаніе безграничнаго торжества, которое противъ ихъ воли срывалось съ ихъ губъ, какъ внѣшнее обнаруженіе радости, мощнымъ ключемъ бившей въ ихъ сердцахъ. И эта радость, уже сама по себѣ великая и мощная, сдѣлалась еще болѣе сильною, еще болѣе всеобъемлющею отъ того, что сразу же послѣ воскресенія Христа, въ душахъ Его учениковъ произошла глубокая, коренная перемѣна. Теперь «открылись у нихъ глаза», «отверзся ихъ умъ къ уразумѣнію Писаній.» Теперь они начали понимать, что ихъ дорогой Учитель не былъ «Тотъ Пророкъ, который долженъ былъ избавить Израиля», а есть Сынъ Божій, Который избавилъ не только Израиля, но и все человѣчество отъ тѣхъ оковъ сатаны, въ коихъ оно находилось изъ-за грѣха прародителей. Многоразличны и тяжелы были послѣдствія этого грѣха. Но самымъ тяжелымъ послѣдствіемъ была смерть. «Прахъ ты и въ прахъ возвратишься» — сказалъ Господь первозданному человѣку, и въ силу этого Божественнаго опредѣленія смерть, подобно какой-то страшной заразѣ, стала распространяться по землѣ. Христосъ пришелъ въ міръ для того, чтобы уничтожить первородный грѣхъ и его тяжелыя послѣдствія. Съ этою цѣлью Онъ принесъ Себя въ жертву на Голгофѣ, и Его воскресеніе было блестящимъ, прекраснѣйшимъ доказательствомъ того, что эта Его жертва была угодна Богу, что она была принята не потому, что при посредствѣ ея была удовлетворена вѣчная Божья правда, былъ уничтоженъ грѣхъ Адама со всѣми его тяжелыми послѣдствіями, въ томъ числѣ и смертию. Именно поэтому апостоль Павелъ сказалъ: «если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна: вы еще во грѣхахъ вашихъ.» Но Христосъ воскресъ и это Его воскресеніе является безспорнымъ доказательствомъ того, что въ будущемъ и каждый изъ насъ воскреснетъ для вѣчной жизни, «ибо какъ смерть

черезъ человѣка, такъ черезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ.» Христось воистину «смертію смерть попралъ» и теперь каждый изъ насъ, радуясь и ликуя, можетъ вмѣстѣ съ пророкомъ Оссіей воскликнуть: «Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?» Все это начали понимать ученики Христовы послѣ Его воскресенія и поэтому, радуясь, привѣтствовали другъ друга побѣднымъ восклицаніемъ: «Христось Воскресъ!»

Послѣдуемъ и мы ихъ примѣру!

Будемте радоваться, такъ какъ воскресеніе Христово доказываетъ, что мы примирены съ Богомъ!

Будемте ликовать, ибо воскресеніе Спасителя служить неложнымъ залогомъ того, что и мы освободимся отъ вѣчной смерти!

Будемте духовно торжествовать и пѣснословить, ибо **Христось Воскресъ! Воистину Воскресъ!**

Священникъ Н. Варфоломеевъ.

* * *

„Жены съ мира богомудрыя“ . . .

Долины тихимъ сномъ объаты,
Рѣдѣетъ ночи темнота.
Святая жены съ ароматы
Печально шли на гробъ Христа.

Сомнѣнья духъ — противникъ въгры
Ихъ души женскія томить:
Кто имъ отъ Спасовой пещеры
Тяжелый камень отвалить.

Пришли, и что же? Отваленный
Предъ гробомъ камень ужь лежалъ;
И ангель, свѣтомъ озаренный,
На немъ сидящій имъ сказалъ:

«Вы, жены, ищите напрасно
Распятаго Творца небесъ . . .
Какъ всемогущій и всевластный
Изъ мертвыхъ днесъ Христось воскресъ.»

Теперь же съ радостью своєю
Идите вы къ ученикамъ,
Скажите имъ, что въ Галилеѣ
Христось ихъ ожидаетъ Самъ.»

И въ страхъ жены побѣжали,
Оставивъ гробъ . . . и ихъ уста
Благуя вѣсть всемъ возвѣщали
О воскресеніи Христа.

Монахъ Викентій.

Его нѣтъ здѣсь; Онъ воскресъ . . . (Мф. 28, 6).

* * *

Голгофская жертва.

(Мысли въ страстную пятницу).

Великая жертва Божественной любви къ падшему человѣчеству была принесена до конца: «Исусъ, возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ» . . .

Умеръ Христось и «померкло солнце», какъ будто и оно не смѣло смотрѣть на крестныя муки и кончину Жизнодавца . . . Умеръ Христось и «земля потряслась», какъ будто и она испугалась, ужаснулась того страшнаго, кроваваго дѣла, которое было совершено людьми на Голгофѣ . . . Умеръ Христось и «камни разсѣлись», какъ будто и они, содрогнувшись, не могли выдержать, не могли вынести всей тяжести того великаго міроваго грѣха, который принялъ на Себя пригвожденный ко кресту Спаситель. Умеръ Христось и «завѣса въ храмѣ раздралась надвое, сверху до низу», раздралась именно потому, что великая Голгофская жертва теперь дѣйствительно была принесена до конца. Теперь полностью была удовлетворена вѣчная Божія правда; страданія Богочеловѣка примирили грѣшную землю съ небомъ, смерть Христа сдѣлала опять возможнымъ то счастье, то близкое, тѣсное общеніе, которое до грѣхопаденія было между человѣкомъ и его Небеснымъ Отцомъ.

Однако, ошибочно было бы считать, что эта великая жертва Божественной любви къ человѣчеству началась и окончилась лишь на томъ крестномъ дрѣвѣ,

которое было водружено на Голгофѣ. Нѣтъ, она началась много раньше и продолжалась много дольше. Вся земная жизнь Спасителя, начиная съ самаго Его рожденія, была ничѣмъ инымъ, какъ однимъ непрерывнымъ, тяжелымъ подвигомъ крестоношенія, одною нескончаемою великою жертвою за счастье падшаго человѣка. Одинокимъ и бѣднымъ пришелъ Онъ въ міръ въ убогой Вифлеемской пещерѣ, и не сильные и знатные міра сего, а простые пастухи были первыми, кто явились къ Нему, чтобы привѣтствовать Его и поклониться Его воплощенію . . . Будучи Царемъ неба и земли, Онъ дни Своей молодости провелъ не въ царскихъ чертогахъ, не въ знатныхъ и богатыхъ хоромахъ, а въ простомъ и невзрачномъ жилищѣ галилейскаго плотника. Затѣмъ началось Его общественное служеніе, во время котораго, по Его собственному признанію «Сынъ Человѣческой не имѣлъ гдѣ главу преклонить». Онъ училъ людей добру, а они въ благодарность за это хотѣли Его убить. Онъ исцѣлялъ «всякую язву и всякую немощь въ людяхъ», а они намѣревались побить Его камнями. Онъ приходилъ къ людямъ, чтобы облегчить ихъ страданія, осушить ихъ слезы, утѣшить ихъ наболѣвшія сердца, а люди гнали Его отъ себя и просили, «чтобы Онъ отошелъ отъ предѣловъ ихъ». Онъ заботился объ ихъ спасеніи, звалъ ихъ на небо, а люди въ благодарность за это хотѣли «свергнуть Его со скалы» . . . Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Христосъ «предъ праздникомъ Пасхи, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что, возлюбивъ своихъ сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ». Въ знакъ этой великой Своей Божественной любви, Онъ, находясь со Своими учениками на тайной вечери, умылъ имъ ноги, установилъ великое таинство Евхаристіи и затѣмъ, давъ апостоламъ Свои послѣднія, трогательныя наставленія, — Свое предсмертное, обвѣянное любовью и скорбью завѣщаніе, сказалъ имъ: «встаньте, пойдемъ отсюда» . . . Послеъ этого была молитва въ саду Гефсиманскомъ . . . И можетъ быть правы тѣ писатели нашей церкви, кои считаютъ, что именно во время этой молитвы страданія Христа за человѣчество достигли своей высшей точки, своего наивысшаго напряженія. Будучи представителемъ всего грѣшнаго человѣчества предъ вѣчною Божіею правдою, Онъ здѣсь страдалъ страданіемъ всего міра, скорбѣлъ скорбью всего человѣчества. Вся Его человѣческая природа не хотѣла страданій и смерти, противилась имъ, и потому Онъ молилъ Своего Отца: «Авва Отче! все возможно Тебѣ; пронеси чашу сію мимо Меня.» Но съ другой стороны, Онъ понималъ, что Его крестныя страданія и смерть необходимы, что безъ нихъ не можетъ быть удовлетворено Божественное правосудіе, а потому Свою молитву Онъ заканчивалъ словами: «впрочемъ, не какъ Я хочу, а какъ Ты.»

Въ наше время иногда приходится слышать замѣ-

чанія, что въ страданіяхъ Спасителя не было де ничего особеннаго, что въ равной мѣрѣ, если не въ большей, и теперь приходится страдать многимъ людямъ и что, во всякомъ случаѣ, въ такой же степени страдали и тѣ два разбойника, которые вмѣстѣ съ Нимъ умерли крестною смертью на Голгофѣ. Можетъ быть, что видимыя, тѣлесныя страданія Богочеловѣка дѣйствительно и не были сильнѣе страданій разбойниковъ, хотя и это сомнительно (см. напр. Матв. 27, 34). Что же касается Его внутреннихъ, душевныхъ мукъ, то кто изъ насъ и какою мѣрою можетъ ихъ измѣрить? По крайней мѣрѣ тѣ виѣшнія обнаруженія этихъ внутреннихъ страданій Спасителя, кои намъ извѣстны, ясно доказываютъ, что такихъ сильныхъ, душевныхъ мукъ, какія были у Христа, напримѣръ въ саду Гефсиманскомъ, міръ до того времени не зналъ. Евангеліе намъ рассказываетъ, что Спаситель, придя въ Гефсиманію, «началъ скорбѣть и тосковать» и затѣмъ Самъ засвидѣтельствовалъ, что «душа Его скорбитъ смертельно». Евангелистъ Лука къ этому добавляетъ, что когда Христосъ, «находясь въ бореніи, молился, то потъ Его былъ, какъ капли крови, падающія на землю». Обратимте, христіане, вниманіе на это краткое замѣчаніе евангелиста. Міръ знаетъ о многихъ, даже и весьма тяжелыхъ страданіяхъ людей, но о душевныхъ мукахъ, кои виѣшнѣ обнаруживались бы такимъ образомъ, не знаетъ ни наше время, ни исторія. О нихъ рассказываетъ намъ только Библия и онѣ были только у Богочеловѣка. Такова была молитва въ саду Гефсиманскомъ . . . Затѣмъ слѣдовали — оплеванія, біенія, заушенія, крестъ и наконецъ смерть, какъ естественный исходъ пришествія въ темный міръ Божественнаго Свѣта.

Искупительная жертва за родъ человѣческой была принесена до конца. Иисусъ сказалъ: «совершилось!» и «преклонивъ главу, предалъ духъ». . . Холоднымъ и безжизненнымъ висѣло Его пречистое тѣло на крестѣ. Сомкнулись Его глаза, коими Онъ съ такою безграничною, неземною любовью смотрѣлъ на людей. Неподвижными сдѣлались Его пречистыя руки, коими Онъ благословлялъ людей и дѣлалъ добро. Окоченѣли Его ноги, коими Онъ «ходилъ по городамъ и весямъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія». Умолкли Его уста, коими Онъ вѣщалъ людямъ о любви и всепрощеніи . . . Не умолкли лишь Его пречистыя раны — Его гвоздиныя язвы и прободенное ребро. Мощно и сильно, громкимъ, несмолкаемымъ голосомъ они говорили всему міру, какъ и теперь говорятъ каждому изъ насъ о той великой, безпредѣльной любви, которую проявилъ къ человѣчеству Божественный Страдалецъ, умеревъ за грѣшную землю. «Такъ возлюбилъ Богъ міръ», говорятъ они намъ, — «что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.» «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей

своих» — училъ насъ Спаситель и Самъ же первый осуществилъ это ученіе въ Своей собственной жизни: въ этомъ тайна Его вліянія, въ этомъ сила Евангелія, побѣдившаго весь міръ . . .

Дорогой читатель! Такова была Голгофская жертва Богочеловѣка, которую мы молитвенно вспоминаемъ въ послѣдніе дни страстной седмицы. Можетъ быть ты уже съ дѣтскихъ лѣтъ знакомъ съ этими евангельскими событіями, знаешь и помнишь ихъ. Но пережилъ ли ты ихъ своимъ сердцемъ? Сдѣлались ли они близкими, дорогими твоей душѣ? Понялъ ли ты, что явленная къ тебѣ на Голгофѣ Божественная любовь требуетъ отъ тебя отвѣтной любви? Въдъ именно этого просить, этого хотеть, этого ожидать отъ тебя Христосъ. «Пребудьте въ Моей любви» — говоритъ Онъ намъ и далѣе разъясняетъ, что лучшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ доказательствомъ этого нашего пребыванія въ любви Божіей будетъ исполненіе нами Его святой воли: «кто любитъ Меня, тотъ заповѣди Мои соблюдеть.»

Исполни же, дорогой другъ, эту предсмертную просьбу своего Спасителя! Пусть вся твоя жизнь, каждый день, каждый часъ, каждый шагъ твоей жизни будутъ проникнуты, обвѣяны и одухотворены этою

любовью ко Христу. Пусть уже скоро настанетъ время, когда вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ ты можешь сказать, что «уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ». И когда исполнится это, тогда всемъ сердцемъ, всемъ существомъ своимъ ты поймешь, какъ безконечно дорогъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ безконечно близокъ къ тебѣ Спаситель. Тогда и ты будешь участникомъ плодовъ Его Голгофской жертвы, тогда и ты въ послѣдній день твоего земного странствованія услышишь сладчайшій Его гласъ: «истинно говорю тебѣ, нынѣ будешь со Мною въ раю.»

Священникъ Н. Варфоломеевъ.

* * *

Крестъ Христовъ.

*Надъ моимъ изголовьемъ распятыя
Милосерднаго Спаса-Христа,
Простирая святыя объятія,
Мой покой осѣняетъ съ креста.*

*Часто скорби, болѣзни и муки
Посѣщаютъ насъ въ жизни земной,
Но Христосъ, простирая намъ руки,
Призываетъ въ Свой райскій покой.*

*Сколько отчей любви Царь небесный
На своихъ изливаетъ дѣтей:
Онъ на страсти пошелъ, къ мукѣ крестной,
Что-бъ спасти насъ отъ смертныхъ сѣтей.*

*Я гляжу, какъ гвоздями пробиты
Эти руки и ноги Творца,
Какъ съ главы, въ тернѣ колючій обвитой,
Кровь по капль струится съ лица.*

*Какъ глубокая рана зияетъ
Въ прободенномъ ребрѣ отъ копья . . .
Но Христосъ и злодѣевъ прощаетъ,
Умоляя Отца, вопія:*

*«Отче мой, отпусти злодѣянья
Этихъ жадныхъ, наемныхъ убійць» . . .
Сколько мира, любви, состраданья,
Какъ бы свѣтитъ изъ сжатыхъ рѣсениць.*

*Даже въ мертвенномъ взорѣ Христовомъ,
Даже Спаса святыя уста
Точно шепчутъ съ участиемъ голубынымъ:
«Приидите ко Мнѣ» . . . со креста,*

*«Приидите, кто съетъ слезами,
И скорбитъ отъ неправды людской,
Отяченные въ жизни трудами —
Приидите, Я дамъ Вамъ покой.*

*Вы устали, измучились въ жизни,
но утѣшиться, васъ ждетъ по трудахъ
Въ той безсмертной и вѣчной отчизнѣ
Со святыми покой въ небесахъ.»*

*Каждый разъ передъ сномъ въ часъ вечерній
Я гляжу на Спасителя ликъ,
Какъ изъязвленной иглами терній
Онъ главою пречистой поникъ,*

*Какъ Онъ длани простеръ надо мною,
Благодать посылая Свою,
И молюсь я сердечно съ душою:
«Духъ мой въ руцѣ Твои предаю,*

*О, мой Божже! Спаси и помилуй
И отъ бѣдъ Ты меня сохрани,
Крестъ нести мнѣ дай помощь и силу
И по смерти въ раю помяни.»*

Монахъ Викентій.

* * *

„Совершилось.“

(Иоан. 19, 30.)

Это слово раздается, какъ побѣдоносная пѣснь надъ сокрушенною силою ада. Смерть Христа побѣдила власть діавола, уничтожила владычество грѣха. Теперь есть убѣжище отъ преслѣдованій его, есть искупленіе отъ вѣчной смерти, есть спасеніе отъ всѣхъ бѣдствій, проистекающихъ отъ грѣха. Смерть господствовала надъ людьми съ неукротимою силою, вторгалась ко всѣмъ, потому что люди были грѣшны предъ Богомъ, смерть повергала въ могилу царя, отрывала младенца отъ сердца матери, ежеминутно угрожала каждому человѣку и превращала землю въ обширную могилу.

Но вотъ изъ устъ умирающаго Христа раздается спасительное «совершилось!» Это — радостный кличъ побѣдителя смерти, относящійся ко всѣмъ подверженнымъ узамъ смерти. Власть ея уже не существуетъ, этотъ царь тлѣнія уже поработенъ, и въ ту минуту, когда Спаситель произнесъ Свое знаменательное «совершилось!», гробы открылись и мертвые воскресли. Слово это есть символъ побѣды надъ діаволомъ. Теперь разбиты его полчища, власть сокрушена, нападенія безсильны; имъ есть противодѣйствіе, отъ стрѣлъ его есть защита, отъ искушеній и ухищреній есть отпоръ и убѣжище. Теперь уничтожено все, что лишало насъ мира, что грозило погибелью и отверзало передъ нами адову бездну. Правосудіе Божіе удовлетворено, всѣ наказанія претерпѣны, рукописанія грѣховъ нашихъ уничтожены. «Совершилось!» восклицаетъ умирающій Спаситель, и небо, и земля, и ангелы, и люди вторяютъ торжественному

возгласу Христа, вѣщающему искупленіе наше. Это слово является знаменіемъ утѣшенія бѣднаго грѣшника и въ жизни, и въ смерти.

Однако выслушай, мой другъ, двойное предостереженіе: не злоупотребляй и не смущайся этимъ знаменіемъ. Не думай, что великая жертва Христа искупаетъ нераскаянные грѣхи. Знай, что для тѣхъ, кто коснѣеть въ грѣхахъ своихъ, Господь ничего не совершилъ, таковымъ смерть Христа не приноситъ пользы. Помни, что «ежели мы, получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ, то уже не остается жертвы за грѣхи; но предстоитъ страшное нѣкое ожиданіе суда и яростный огонь, готовый пожрать противниковъ» (Посл. къ Евр. 10, 26—27). Но между тѣмъ, берегись и умалять слово Спасителя — «совершилось!» . . . Совершилась искупительная жертва за грѣхи твои. Твой Создатель умеръ за тебя, червя земного, чтобы, вѣруя въ Него, ты не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Преклонись въ прахъ предъ неизъяснимымъ милосердіемъ Господа твоего и возлюби Его всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумніемъ твоимъ, чтобы отнынѣ съ радостью служить Ему, исполняя святую и благовую для тебя волю Его, отвращая душою отъ всякаго рода грѣха. Должно всегда помнить, что наши беззаконія распяли Христа, умертвили Его, а потому необходимо возненавидѣть грѣхъ и всею ревностью богоугодной жизни усвоить себѣ даруемую благодать Божію, укрѣпляясь вѣрою въ утѣшительный возгласъ Христа: «Совершилось!»

В. Н.

* * *

„Се Женихъ грядетъ въ полнощи . . .“

*Незримо въ тишинѣ полночной
Женихъ-Христосъ съ небесъ идетъ.
Блаженъ тотъ рабъ, кого въ урочный
Онъ часъ недремлющимъ найдетъ.*

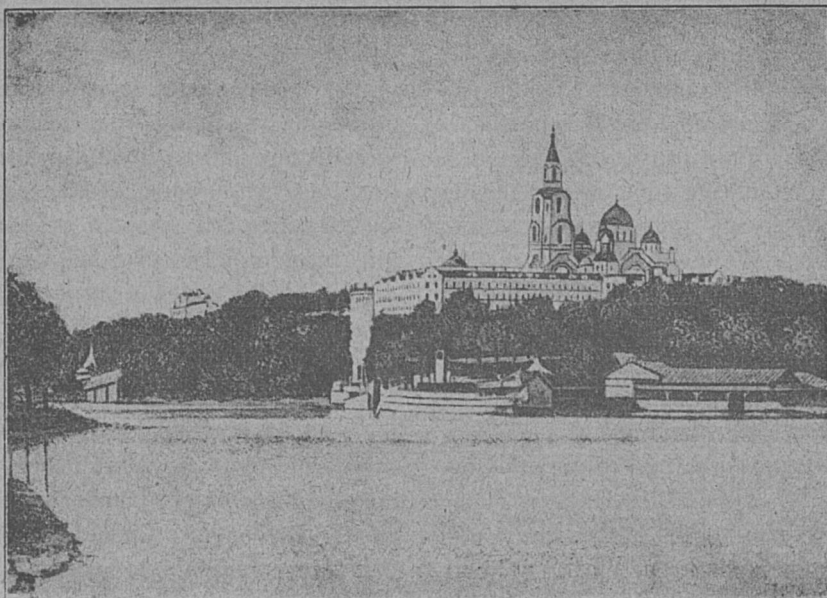
*Но рабъ унылый и лѣнивый,
Который жизнь среди грѣха
Проводитъ праздно, нерадиво, —
Тотъ недостойнъ Жениха.*

*Трезвись, душа, что-бъ сонъ безпечный
Тебя не уклонилъ во грѣхъ,
Да не пребудешь въ смерти вѣчной
Ты внѣ закрытыхъ Царства вратъ.*

*Но воспряни и со слезами
Взывай: Трисвятъ Господь, Ты — Спасъ,
И Богородицы мольбами
Помилуй многгрѣшныхъ насъ.*

Монахъ Викентій.

Валаамскій Монастырь.

Какъ на Валаамѣ встрѣчается и празднуется святая Пасха.

Великіе праздники, изъ коихъ главный — «Праздниковъ Праздникъ» — святая Пасха, въ пустынной жизни Валаама составляютъ исключительные дни въ быту иноковъ, отдаленныхъ отъ мірскихъ развлеченій и шума, а потому считаемъ приличнымъ познакомить читателей «Утренней Зари» съ празднованіемъ св. Пасхи на Валаамѣ.

Еще наканунѣ начала великаго поста, въ «прощенное воскресеніе», послѣ ужина поется пасхальный канонъ.

Отпраздновавъ вербное воскресеніе, въ которое, какъ и въ благовѣщеніе, на иноческую трапезу подается рыбная пища, братія обители вступаетъ въ страстную седмицу, въ теченіе которой всѣ говѣютъ — на четвергъ и субботу.

Въ дни страстной седмицы службы начинаются ночью ранѣе обыкновеннаго: въ понедѣльникъ полунощница въ часъ ночи, а часы и преждеосвященная литургія въ 7 часовъ; во вторникъ и среду — полунощница въ 2 часа, а преждеосвященные литургіи въ 8 ч. Въ началѣ утрени этихъ дней, на срединѣ храма канонархъ начинаетъ и кончаетъ пѣніе тропаря «Се Женихъ грядетъ въ полунощи.» На часахъ понедѣльника, вторника и среды, прочитываются полностью евангелія первыхъ трехъ евангелистовъ и четвертаго до «страстей», въ слѣдующемъ порядкѣ: въ понедѣльникъ отъ Матѳея и Марка въ три раза; во вторникъ отъ Луки, а въ среду отъ Иоанна первыя 13 главъ, тоже въ три приѣма, причемъ чтеніе заканчиваетъ отецъ Игуменъ монастыря. Въ среду на «изобразительныхъ» онъ же, вмѣсто отпуста, читаетъ надъ преклонившейся

до земли братіей молитву: «Владыко многомилостиве . . .», а затѣмъ самъ настоятель кланяется земно братіи и проситъ прощенія, говоря: «благословите, отцы святіи и братіе, и простите мнѣ грѣшному, яже согрѣшихъ во всей жизни моей и во всей святѣй четыредсятицѣ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами; предстояще, кланяясь ему земно, отвѣчаютъ: «Богъ да проститъ ти, честный отче.»

Въ четвергъ полунощница въ 2 часа. Служба соборная. Всѣ стараются на этотъ день говѣть, въ воспоминаніе установленія св. таинства причащенія Самимъ Господомъ.

Въ теченіе всей страстной недѣли, кромѣ четверга, ужина не бываетъ, и пища подается на трапезѣ безъелейная.

Въ пятницу: полунощница въ часъ ночи, на утрени читаются двѣнадцать евангелій, часы въ 10 ч., а вечерня въ 2 часа, послѣ коей на трапезѣ подается черный хлѣбъ и сырая капуста съ квасомъ. Въ субботу утрени въ часъ ночи, по окончаніи коей совершается крестный ходъ съ плащаницею вокругъ собора. Иногда ради причастниковъ бываетъ ранняя литургія. Часы въ 9 ч., а поздняя литургія съ вечерней въ 12 час., причемъ всѣ пареміи читаются, а запѣвы оныхъ, въ срединѣ и концѣ чтеній, исполняются торжественно. По чтеніи «Апостола», трое лучшихъ пѣвцовъ поютъ предъ плащаницею «тріо»: «Воскресни Боже . . .», а въ алтарѣ въ это время священнослужители снимаютъ черныя ризы и надѣваютъ бѣлыя.

Звонъ во всю страстную седмицу бываетъ рѣдкій, печальный. Облаченія — траурныя, черныя, въ знакъ

покаянія и печали. Пѣніе исполняется по «крючковымъ» нота́мъ. Глубокоумилительное дѣйствіе на вѣрующую душу христіанина производитъ пѣніе ирмосовъ каноновъ и трипѣснецевъ, въ коихъ выражается вся исторія страданій Спасителя и другихъ, соприсношенныхъ съ этими страданіями, событій. Особенно трогательнымъ бываетъ выносъ плащаницы въ пятницу. На великой вечернѣ, послѣ того какъ уже исполнены чтенія и пѣснопѣнія, въ коихъ выражены потрясающія душу вѣрующаго спасительныя страданія Господа нашего Іисуса Христа, насъ ради претерпѣвшаго оплеванія, бїенія, заушенія, досады, посмѣянія, прободенія гвоздями, копіемъ и, наконецъ, смерть на крестѣ, — обыкновенно, при пѣніи тропаря: «Благообразный Іосифъ . . .», — отецъ Игумень и четыре старшихъ іеромонаха выносятъ плащаницу. По кажденіи выходитъ о. ризничій въ епатрахили и поручахъ, кладетъ на грудь «Спасителя» полотенце и св. евангеліе, устанавливаетъ по угламъ плащаницы букеты изъ искусственныхъ цвѣтовъ и кладетъ таковой же вѣнокъ, огибающій кругомъ до ногъ «Спасителя». Пѣвчіе въ это время на срединѣ храма поютъ умиленную стихирю «Тебѣ одѣющагося свѣтомъ яко ризю». Трудно бываетъ тутъ удержаться отъ слезъ, потому что выраженіе церковной печали достигло верха своего выраженія и, кажется, что благодарнымъ плачемъ плачутъ не только вѣрующіе души, но самъ храмъ, при видѣ насъ ради до смерти смирившагося Господа. Послѣ этого совершается цѣлованіе плащаницы . . .

Въ субботу вечеромъ повечеріе совершается въ 7 часовъ, затѣмъ начинается чтеніе «Дѣяній св. Апостоль». Первую главу читаетъ о. Настоятель, а затѣмъ читаютъ другіе въ порядкѣ старшинства, а братія сидятъ на клиросахъ, ступеняхъ соли и другихъ мѣстахъ. Ризничіе и пономари дѣлаютъ послѣднія подготовленія къ пасхальному богослуженію: раскладываютъ ризы, приносятъ въ соборъ весь запасъ на престольныхъ крестовъ и иконъ. На улицѣ вокругъ собора густо настлана мелкая хвоя и устанавливаются для освѣщенія крестнаго хода факельные костры на специально устроенныхъ желѣзныхъ подножкахъ. Звонъ производится, какъ говорится въ уставѣ звонаря: «На свѣтлое Христово Воскресеніе къ утрени начинать въ 11 ч. ночи и продолжать до выхода изъ собора крестнаго хода, при выходѣ же послѣдняго начать трезвонъ, а по входѣ на паперть прекратить, а звонъ въ одинъ колоколь продолжать.»

Святая Пасха: въ 11 ч. ночи начинается звонъ въ главный колоколь. Полунощницу совершаетъ старшій іеромонахъ, который предъ плащаницею читаетъ канонъ. Въ концѣ полунощницы служащіе облачаются въ свѣтлыя пасхальныя облаченія и четверо старшихъ іеромонаховъ идутъ къ плащаницѣ. По окончаніи канона, при пѣніи «Не рыдай Мене Мати»,

они торжественно вносятъ плащаницу въ алтарь чрезъ царскія врата, полагая ее на престолѣ. По затвореніи царскихъ вратъ, водворяется въ храмѣ священное безмолвіе; только «Андреевскій» колоколь на колокольнѣ неумолкая мощно гудитъ, возвѣщая о «Праздникѣ праздниковъ», унося далеко по озеру волны своихъ звуковъ и черезъ то благовѣствуя о воскресеніи Христа. Все готово. Соборъ залитъ свѣтомъ пылающихъ свѣчей и лампадъ, все въ пасхально-торжественномъ нарядѣ. Настала священная, трогательная минута . . . . Вся братія и молящіеся стоятъ съ зажженными свѣчами. Все забыто: и печаль покаяннаго поста, и душу потрясающія впечатлѣнія отъ страстей Христовыхъ. Раскрываются царскія врата. Раздается пѣніе выступающаго крестнаго хода: «Воскресеніе Твое Христе Спасе». О. Игумень идетъ съ крестомъ, старшій іеромонахъ съ евангеліемъ, а у другихъ иконы. Въ это время изъ оконъ собора видно зарево огня отъ зажженныхъ на улицѣ факельныхъ костровъ. При свѣтѣ послѣднихъ и торжественномъ звонѣ, «во вся трезвонъ», обходится кругомъ соборъ, какъ бы въ изображеніе Мирносицъ, шедшихъ «утру глубоку» помазать тѣло Христа Спасителя. При входѣ обратно въ притворъ, точно-бы въ преддверіи гроба Спасителя — въ «предѣлѣ Ангела», — при запертыхъ въ храмъ дверяхъ, настоятель начинаетъ утреню. По пропѣтіи пасхальнаго тропаря «Христосъ Воскресе» и стиховъ, послѣ обычнаго кажденія, крестный ходъ возвращается въ храмъ. Всѣ служащіе останавливаются въ срединѣ собора на большомъ квадратномъ пасхальномъ коврѣ. Въ центрѣ послѣдняго установлены три аналогія: на среднемъ кладется большое пасхальное Евангеліе, означающее невидимое присутствіе Самого воскресшаго Спасителя, а на боковыхъ полагаются кресты съ трисвѣщниками для кажденія. Пѣніе каждой пѣсни начинается служащими, а заканчивается пѣвчими. На каждой пѣсни совершается полное каденіе храма: на первой пѣсни кадитъ о. Игумень съ двумя іеродіаконами, а далѣе по два іеромонаха съ іеродіаконами, въ порядкѣ ихъ старшинства, — одинъ правую сторону алтаря и храма, а другой лѣвую. Канонъ поется: тропари на двѣнадцать, а ирмосы на четыре съ катавасіями. Пѣніе исполняется торжественно, такъ же и каденіе. При кажденіи клиросовъ и молящихся, братія дружно отвѣчаетъ на праздничный привѣтъ кадящихъ: «воистину воскресе». По каждой пѣсни говорится малая ектенія. При этомъ чувствуется необыкновенная торжественность и радость: все какъ бы прониклось праздничнымъ весельемъ и возвѣщаетъ воскресеніе Христа. Послѣ третьей пѣсни старшій іеродіаконъ читаетъ слово св. Григорія Богослова, «егоже начало: На стражѣ моей стану», а по шестой вторымъ іеродіакономъ читается «Синаксарь» — слово о событіяхъ воскресенія Христова, причемъ служащіе тутъ же сидятъ на табурахъ. На

девятой пѣсни кадятъ два іеродіакона и старшій изъ нихъ поетъ предъ праздничной иконой величаніе праздника. По окончаніи канона служащіе, пропѣвъ «ексапостиларій» «Плотію уснувъ», идутъ христосоваться къ Преподобнымъ, гдѣ прикладываются къ ракъ основателей монастыря на Валаамѣ, свв. Сергія и Германа. Пройдя въ алтарь, священнослужители съ иконами въ рукахъ христосуются между собою, во время чего на клиросѣ поются стихиры. Послѣ христосованія въ алтарь, всѣ священнослужители, въ облаченіяхъ, около 60 человекъ, выходятъ съ свв. иконами на средину храма и тамъ, ставъ двумя рядами, замыкаемыми хоромъ, слушаютъ читаемое о. Игуменомъ слово св. Іоанна Златоустаго на св. Пасху, по окончаніи коего хоръ торжественнымъ Валаамскимъ напѣвомъ поетъ тропарь святителю. Послѣ этого вся братія «христосуется», начиная отъ о. Настоятеля обители и кончая послѣднимъ послушникомъ и мірянами мужескаго пола, причемъ о. Игумень даетъ каждому по пасхальному яичку. По христосованіи заканчивается утренняя. Кряду послѣ этого служится у раки преподобныхъ пасхальный молебенъ.

Въ 5 ч. у. литургія. На послѣдней сослужащихъ отцу Игумену бываетъ не менѣ двѣнадцати іеромонаховъ. Все здѣсь идетъ обыкновенно до чтенія евангелія, каковое читается о. Настоятелемъ и всѣми іеромонахами. Кромѣ того, четыре іеродіакона, ставъ крестообразно на срединѣ храма, лицами во всѣ четыре стороны, тоже читаютъ евангеліе, обозначая этимъ благовѣстіе евангельской проповѣди ко всѣмъ народамъ. Чтеніе происходитъ на славянскомъ и финскомъ, а иногда и на др. языкахъ. Передъ чтеніемъ всѣ читающіе повторяютъ поочередно: «премудрость прости, услышимъ святаго евангелія»; когда о. Игумень скажетъ «миръ всѣмъ», то опять повторяется всѣми: «отъ Іоанна святаго евангелія чтеніе», а также и «вонмемъ». Остальное на литургіи идетъ обычно до заамвонной молитвы, по окончаніи коей освящается «артось», дается братіи «антидоръ» и дѣлается отпустъ.

Въ трапезу совершается торжественное съ трезвономъ праздничное шествіе, причемъ чередной іеромонахъ и старшій іеродіаконъ несутъ праздничную икону и артось, окружаемые свѣщеносцами и хоругвеносцами, а за ними идутъ пѣвчіе и дружно поютъ «Христось Воскресе»; далѣе, въ праздничномъ нарядѣ, попарно, длинной вереницей, идетъ братія, возглавляемая о. Игуменомъ. По прочтеніи молитвы на разрѣшеніе скоромной пищи и обычномъ благословеніи, вкушается пасхальная трапеза. Въ этотъ день она выдѣляется отъ другихъ праздниковъ тѣмъ, что подается масло, «пасха» и яйца. Во время трапезы старшій іеродіаконъ въ облаченіи читаетъ слово на св. Пасху. По вкушеніи пищи совершается чинъ цѣлованія св. иконы и артоса, изображающаго въ средѣ обѣдающей братіи Самого воскресшаго Господа. Изъ тра-

пезы въ томъ же порядкѣ въ сопровожденіи всей братіи икону и артось уносятъ въ соборъ, откуда братія, получивъ отъ череднаго іеромонаха общее благословеніе святой иконой, при пѣннн «Поклоняемся Его тридневному воскресенію», расходится по келіямъ на отдыхъ. Такой порядокъ трапезнаго чина продолжается во всю свѣтлую седмицу до субботы.

Послѣ расхода братіи на отдыхъ, въ монастырѣ водворяется абсолютная тишина. Въ 12 ч. дня отдыхающую братію пробуждаетъ «Андреевскій» тысячепудовый колоколь на общій чай, который въ первый день св. пасхи, согласно древняго Валаамскаго обычая, предлагается въ трапезной.

Въ первый день праздника, скитскіе братія-старцы и пустынники, по окончаніи богослуженія въ скитахъ, въ коихъ служба оканчивается значительно раньше, стекаются къ обѣду въ монастырь, чтобы привѣтствовать о. Игумена и братію съ праздникомъ и раздѣлить общую радость пасхальнаго торжества. Многіе изъ нихъ весь этотъ праздникъ проводятъ въ монастырѣ.

Въ первые три дня всѣ освобождены отъ будничныхъ работъ, а въ соборѣ совершаются торжественныя соборныя богослуженія. Облаченія ежедневно мѣняются. Раннія литургіи на свѣтлой недѣлѣ каждый день служатся въ разныхъ храмахъ. На колокольнѣ производится, такъ называемый, «цѣлодневный звонъ», для чего туда собирается много любопытныхъ и звонарей-любителей. Къ тому же, послѣ Валаамскаго зимняго уединенія, въ хорошую погоду приятно съ колокольни смотрѣть на окрестные острова и сѣверные берега материка; обрисовывающіеся подъ золотистыми лучами весенняго солнца въ величественныя картины, и свидѣтельствующіе о великомъ Міроздателѣ, «сотворившемъ вся», и приведшемъ все въ дивную гармонию.

Всѣ чувствуютъ, что Христось воскресъ, и природа воскресаетъ. Весна, весна идетъ . . . О, вожделенная весна: «Днесъ весна душамъ» (1 пѣс. кан. Өом. нед.). Приди ты, дорогая весна, въ наши души, согрѣй оледенѣлость нашего сердца. Воскресшій Господи, воскресни въ душахъ нашихъ и свѣтомъ Твоего воскресенія разгони отсюда грѣховный мракъ: дабы и мы просвѣтились торжествомъ и нелицемѣрно могли обнять другъ друга и сказать: «братіе, ненавидящихъ насъ простимъ вся воскресеніемъ» . . .

Іером. И—кій.

* * *

РЕДАКЦІЯ „УТРЕННЕЙ ЗАРИ“

даетъ своимъ подписчикамъ отвѣты и разъясненія по вопросамъ церковнаго характера.

* * *

Высокопреосвященный Германъ, Архіепископъ Карельскій и всея Финляндіи.

Вселенскій Патріаршій Престоль утвердилъ Преосвященнаго Германа, Епископа Карельскаго, Архіепископомъ Финляндской Православной Церкви. Въ виду этого считаемъ не безъинтереснымъ для нашихъ читателей познакомить ихъ со свѣдѣніями о жизни и дѣятельности Владыки до его поступленія на службу Финляндской Православной Церкви.

Архіепископъ Германъ родился въ Эстоніи, на островѣ Моонъ, 2-го сентября 1878 года: сынъ псаломщика. Среднее и богословское образованіе получилъ въ Рижской духовной семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1900 году. Стажъ кандидата на священство проходилъ въ гор. Гапсалѣ. 27-го сентября 1904 года Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ Агафангеломъ (нынѣ Митрополитъ Ярославскій, вѣрный сподвижникъ покойнаго Патріарха Тихона) рукоположенъ въ санъ священника. Состоялъ священникомъ послѣдовательно въ Лэллэ, Старо-Фэннэриѣ и Мустелѣ. За время священническаго слу-

женія въ Эстоніи былъ избираемъ на слѣдующія должности: а) дважды благочиннымъ, наибольшаго тогда въ Эстоніи, Эзельскаго благочинія (17 приходовъ), б) депутатомъ на два церковныхъ собора, состоявшихся въ гор. Юрьевѣ, въ 1917 году, съ участіемъ депутатовъ эстонскихъ, латышскихъ и русскихъ приходовъ нынѣшнихъ Эстоніи и Латвіи, в) членомъ поземельныхъ комиссій въ нѣсколькихъ благочиніяхъ. Кромѣ того, участвовалъ въ педагогической и законоучительской работѣ, принималъ живое участіе въ обществахъ просвѣтительныхъ, земледѣльческихъ и трезвости, состоя въ нихъ или предсѣдателемъ, или товарищемъ предсѣдателя. Сотрудничалъ въ духовныхъ журналахъ: «Vaim. Sõnumitooja», «Usk ja Elu» и «Uus Elu». Издалъ сборникъ своихъ рѣчей подъ названіемъ «Elu kevade» (Весна жизни). На соборѣ Финляндской православной церкви, 17 іюня 1922 года, избранъ епископомъ Карельскимъ, викаріемъ Архіепископа Финляндскаго. 21-го апрѣля 1923 года Президентомъ Финляндской Республики выдана грамота на прохожденіе сей должности.

7-го іюля 1923 года въ Константинополь, въ патріаршей церкви, Вселенскимъ Патріархомъ Мелетіемъ, въ присутствіи 12-ти митрополитовъ, составившихъ патріаршій священный синодъ, митрополита Эстонской церкви Александра, представителя Финляндскаго Правительства, профессора Э. Н. Сетеля и представителя Финляндскаго православнаго Церковнаго Управленія, протоіерея С. Солнцева, наречень во Епископа Карельскаго, викарія Финляндскаго Архіепископа.

8-го іюля того же года, тамъ же, Вселенскимъ Патріархомъ Мелетіемъ и 9-ю митрополитами хиротонисанъ въ санъ епископа.

По выдѣленіи, согласно постановленію собора Финляндской православной церкви 1923 года, карельскихъ приходовъ въ отдѣльную карельскую епархію, сталъ именоваться Епископомъ Карельскимъ.

Съ 1-го января 1924 года управлялъ Финляндскою Архіепископіею.

13-го іюня 1925 года на соборѣ Финляндской православной церкви избранъ Архіепископомъ всея Финляндіи.

14-го августа 1925 года Президентомъ Финляндской Республики выдана грамота на прохожденіе сей должности.

Этотъ, мало говорящій сердцу, сухой перечень служебнаго движенія Высокопреосвященнаго Германа редакция считаетъ своевременнымъ дополнить нѣкоторыми выдержками изъ официальной переписки,

характеризующими личность Владыки, какъ челоуѣка и какъ церковнаго дѣятеля.

Изъ отношенія Эстонскаго Синода отъ 28-го апрѣля 1922 года за № 1225 на имя предсѣдателя Подготовительной къ собору Финляндской церкви Комиссiи, протоіеря С. Окулова: «Вслѣдствіе обращенія Вашего отъ 15-го апрѣля с. г., Синодъ Православно-Апостольской церкви Эстонiи . . . со своей стороны и съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Александра, Архіепископа Эстонiи, можетъ указать, какъ, по нашему мнѣнію, на наиболѣе подходящаго кандидата на высокій постъ Епископа-викарія Финляндiи, на настоятеля Муфельской Ильинской церкви, что на о. Эзелѣ, о. Германа Васильевича Аавъ, 44 лѣтъ отъ роду, кончилъ курсъ Рижской Духовной Семинарiи, священствуеть 18 лѣтъ, состоитъ второй срокъ Эзельскимъ благочиннымъ; вдовъ, извѣстенъ литературными трудами въ духовной области; пользуется авторитетомъ и уваженіемъ среди духовенства и паствы, какъ выдающійся пастырь и общественный дѣятель.»

Осенью 1922 года, въ виду предполагавшейся поѣздки Архіепископа (нынѣ Митрополита) Александра въ Константинополь для упорядоченія правового положенія Эстонской церкви, въ Синодѣ былъ поднятъ вопросъ о намѣченіи кандидата на кафедру викарнаго Епископа Эстонской церкви. Архіепископъ и Синодъ, принимая во вниманіе, что утвержденіе протоіеря Г. Аавъ епископомъ Карельскимъ затянулось, избрали кандидатомъ на должность Епископа-викарія Эстонской церкви «Эзельскаго благочиннаго, протоіеря Г. Аавъ, который, какъ извѣстный духовный писатель и всѣми православными, какъ духовными такъ и мірянами, уважаемый, какъ извѣстный духовный пастырь и общественный дѣятель, это заслужилъ» (Протоколъ Синода отъ 9 сентября 1922 года, прот. 200, § 1).

Изъ письма Архіепископа (нынѣ Митрополита) Александра Эстонскаго Архіепископу Серафиму, отъ 10-го ноября 1922 года за № 27: «. . . О. Германъ Аавъ — одинъ изъ виднѣйшихъ и способнѣйшихъ дѣятелей вѣрнной мнѣ Церкви, характера скромнаго и миролюбиваго, глубоко преданъ дѣлу православія и съ великою пользою проходитъ служеніе пастырское какъ въ своемъ приходѣ, такъ и въ должности благочиннаго въ отвѣтственномъ Эзельскомъ (на островахъ Эзелѣ и Моонѣ) благочинiи, гдѣ 32,000 православныхъ жителей. Въ виду выдающейся дѣятельности о. Аавъ прошлою весною у насъ былъ поднятъ вопросъ объ избраніи его викарнымъ Епископомъ Эстонскимъ; дѣло задержалось лишь вслѣдствіе обращенія представителей Церковнаго Собора Финляндiи къ Синоду православной церкви Эстонiи съ просьбою указать имъ изъ среды священнослужителей Эстонiи, на случай выборовъ викарнаго Епископа Финляндiи, подходящаго кандидата, въ качествѣ какового и былъ указанъ о. Германъ Аавъ . . .» *Н. Казанскій.*

Факты и думы.

Нѣкоторые незначительные, но милые факты изъ церковной жизни нашей и Эстонской церковей произвели на меня самое симпатичное впечатлѣніе и оставили во мнѣ прекрасное воспоминаніе.

При сослуженіи съ представителемъ вселенскаго патріарха, митрополитомъ Германосомъ Фіатирскимъ, въ Гельсингфорскомъ соборѣ 30 сентября 1925 года и моемъ служеніи тамъ 5—6 января с. г., въ числѣ прислуживавшихъ при архіерейскомъ служеніи былъ инженеръ г. Н. Онъ, инженеръ, стоялъ съ дикриемъ, держалъ блюдо съ облаченіями, подносилъ воду для омовенія рукъ и т. п. И все это дѣлалъ добротн, сознательно, съ видимымъ удовольствіемъ и рвеніемъ, желая дать то малое, что въ данныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ дать церкви.

Какой это, поистинѣ, прекрасный примѣръ отношенія вѣрующаго православнаго челоуѣка ко храму, къ богослуженію, къ своему долгу предъ обществомъ вѣрующихъ!

Если внѣ стѣнъ церкви одни считаются, по должности, выше, другіе — ниже, и имъ, согласно ихъ общественному положенію, даютъ вездѣ соотвѣтствующія мѣста, то въ церкви, въ домѣ того Бога, предъ Которымъ всѣ люди равны, Который не смотритъ на мундиръ и чинъ, а на качества души, на развитіе духа въ челоуѣкѣ, Который «повелѣваетъ солнцу своему всходить надъ злыми и добрыми, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ» (Матѣ. 5, 45), Который всѣхъ людей считаетъ Своими дѣтьми (1 Іоан. 3, 2; 3, 10; Римл. 8, 16), а Себя — ихъ Отцомъ (Матѣ. 5, 48; 6, 4; 6, 8; 6, 72; Лук. 12, 30—32; Марк. 11, 25—26; Матѣ. 23, 9), насъ же между собою братьями (Матѣ. 23, 8), — нищій можетъ стать впереди, а генераль — у дверей. Храмъ — мѣсто, гдѣ царствуетъ божественное равенство всѣхъ смертныхъ. Здѣсь генераль тотъ, у кого совѣсть чище, кто сберегъ чистою душу свою и не растратилъ своихъ духовныхъ дарованій и жизненныхъ соковъ тѣла, кто находится постоянно въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ и духовнымъ міромъ ангеловъ и святыхъ, кто, благодаря всему этому, обогатилъ себя великою силою благодати Духа Святого Божьяго. Таковой — великъ въ церкви, хотя бы онъ былъ въ рубищѣ. Таковой — генераль въ церкви, потому что онъ можетъ не механическою силою, а силою своей молитвы, черезъ небесное воинство, или же самъ, непосредственно, благодатною силою Св. Духа не только творить великіе духовные перевороты и оказывать серьезныя внушенія и вліянія, но и дѣйствовать на физическую жизнь какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ. Но люди потеряли вѣру въ Бога, въ существованіе въ нихъ безсмертнаго духа, въ загробную жизнь (или вѣря, не вѣрятъ, т. е. не живутъ по вѣрѣ своей), и внесли мірское въ храмъ; и тутъ

важность, и сановность. И не умѣютъ люди отдохнуть душой, обновиться силами, освѣжиться здѣсь, у кладезя жизни вѣчной, въ седьмой день собраться въ домѣ Божіемъ единой Христовой семьей, стряхнуть съ себя пыль недѣльной суеты житейской, вспомнить, что они, при всемъ ихъ внѣшнемъ величіи, или богатствѣ, или учености, предъ Богомъ прахъ, пепель (Быт. 3,19; 18,27; Пс. 1,4; Ек. 3,20; 12,7) и трава (Пс. 36,2; 89,6; 102,15), равно какъ и рядомъ стоящій нищій . . . Въ храмѣ — «всѣ въ равномъ достоинствѣ» (изъ погр. пѣсноп.). Если въ древнемъ Египтѣ въ разгарѣ шумнаго пира вносили мумію для отрезвленія мысли, то не должны ли мы, кичащіяся культурою, искать сами этого отрезвленія не искусственными путями, а въ церкви, у невидимо присутствующаго Бога («гдѣ два или три собраны во имя Мое, ту есмь посредь ихъ»). Но въ церквахъ . . . инертная, по виду, толпа, стыдящаяся и свѣчку поставить, истово и сознательно перекреститься, на колѣни стать и т. д.

Но вотъ инженеръ. Онъ не стыдится, не только придти въ церковь, какъ многіе ученые и неученые, а не стыдится исполнять тутъ самыя незначительныя обязанности, каковыя даже нѣкоторые юнцы изъ учащейся молодежи считаютъ для себя унижительнымъ (?) исполнять, не говоря уже о болѣе важныхъ персонахъ . . . Какое непониманіе ими духа евангелія, духа православія, духа великолѣпнаго православнаго богослуженія, глубокотаинственнаго и вліяющаго! И въ самомъ дѣлѣ, не человѣку прислуживаютъ, а священнослужителю, совершающему, по преемству благодати и по избранію Церкви изъ среды вѣрующихъ на сію должность, великое таинство Евхаристіи, во исполненіе повелѣнія нашего Христа-Спасителя: «Сіе творите въ Мое воспоминаніе», и возносящаго молитвы «за вся христіанъ» къ престолу Божьему. Внѣ богослуженія священнослужитель такой же человѣкъ, какъ и инженеръ, и внѣ богослуженія священнослужитель, со своей стороны, долженъ быть готовъ оказать инженеру всѣ услуги, какія могутъ ему понадобиться, и какія онъ можетъ ему оказать, помня завѣтъ Иисуса Христа: «Кто хочетъ быть между вами большимъ, да будетъ вамъ слугою, а кто хочетъ быть между вами первымъ, да будетъ вамъ рабомъ» (Матѣ. 20, 26—27). По правдѣ, вѣдь всѣ — и служащіе, и прислуживающіе, и поющіе, и читающіе въ церкви — не людямъ служатъ и прислуживаютъ, а дѣлаютъ каждый свое маленькое дѣло во славу Божію и во благолѣпіе божественной службы, дабы оно, черезъ внѣшнія чувства и впечатлѣнія, было болѣе дѣйственно, дабы каждый, участвующій въ богослуженіи своею ничтожною помощью, хотя чуточку содѣйствовалъ дѣлу совершенія спасенія чающихъ блаженства душъ.

Каждый разъ, вспоминая смиреннаго инженера въ стихарѣ, на скромномъ дѣланіи въ соборѣ, я припоминаю и прилагаю къ нему слова Спасителя: «Уни-

жающій себя возвысится» (Матѣ. 23, 12; Лк. 14, 11; 18, 14) и другія: «Всякаго, кто исповѣдуетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ» (Матѣ. 10, 32; Лк. 12, 8 и предъ ангелы Божіими), и еще: «И вотъ, есть послѣдніе, которые будутъ первыми» (Лк. 13, 30), и еще: «Хорошо, добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю, — войди въ радость господина твоего» (Матѣ. 25, 21)! —

— — — — —

На слѣдующій день, послѣ богослуженія въ Гельсингфорскомъ соборѣ, митрополитъ Германосъ уѣхалъ въ Або, для слѣдованія въ Англію, а я поѣхалъ въ Эстонію навѣстить дѣтей.

Въ первую субботу, стоя въ храмѣ г. Аренсбурга, на островѣ Эзелѣ, меня поразило прекрасное — и отчетливое, и медленное, и выразительное, и одушевленное — чтеніе шестопсалмія. Никто изъ тамошнихъ чтецовъ — псаломщиковъ никогда такъ не читалъ. Думалъ: кто-бы это могъ быть? И дачный-то сезонъ кончился (была середина октября, а сезонъ кончается въ 20-хъ числахъ сентября), чтобы допустить возможность чтенія шестопсалмія пріѣзжимъ дачникомъ. Кончается богослуженіе, справляюсь, — оказывается, въ городѣ уже съ мѣсяць засѣдаетъ выѣздная сессія Окружнаго Суда изъ г. Ревеля и товарищ прокурора названнаго Суда, г. П., во всѣ богослуженія принимаетъ самое живое участіе и въ чтеніи, и въ пѣніи (отличный низкій басъ). —

Заодно просится на бумагу еще случай, бывшій въ г. Ревелѣ, въ 1922 году, въ русскомъ соборѣ Александра Невскаго, на Вышгородѣ. — Кончился Соборъ Эстонской православной церкви. Духовенство русской части Эстонской церкви устроило вечеромъ торжественную всенощную. Участвовало около 30 священниковъ, при 5—6 діаконахъ. Возглавлялъ соборъ пріѣзжавшій въ 1925 году, лѣтомъ, въ Финляндію архимандритъ Печерскаго монастыря Іоаннъ. Пѣль извѣстный въ то время въ Ревелѣ большой (60—70 человѣкъ) хоръ имени Сокола. Исполнялось свыше 20 партесныхъ номеровъ (имѣлась на шапирографѣ печатанная программа). Я воспользовался (какъ и раньше, при пріѣздахъ въ Ревель) случаемъ услышать прекрасное церковное пѣніе, отдаться волнамъ святыхъ звуковъ и дать имъ унести мою душу въ блаженныя области свѣтлыхъ настроеній, слиться съ міромъ духовнымъ, забыться . . . Сладко было . . . Но вотъ, отпусти. Подъ высокими сводами замираютъ послѣдніе могучіе аккорды: «. . . Господи, сохрани ихъ на многая лѣта!» Электричество гаснетъ. Полумракъ катакомбъ. Продолжительная тишина . . . Вдругъ откуда-то доносится звонкій, мягкій, нѣжный, сладкій голось, словно ангельскій послѣ мужского хорового пѣнія, ясно и умоляюще зовущій: «Приидите, поклонимся Христу, Цареві, нашему Богу! . . .» Какъ втор-

гался этот голос в душу, вторгался силою своей свѣжести, своей чистоты и невинности! То женщина — любительница читала на краю высокихъ хоровъ.

Ограничусь передачею этихъ фактовъ. Думая о нихъ, мнѣ приятно сознавать, что еще не совсѣмъ и не вездѣ міряне отошли отъ участія въ хвалении, молении и благодарении Творца — Бога Отца, Спасителя — Бога Сына и оживотворяющаго насъ — Духа Святаго Божьяго въ общественныхъ моленіяхъ въ храмахъ. Еще есть міряне, желающіе отдать свои способности и таланты, силу своей, по Богѣ тоскующей, души на служение Богу и ближнимъ во время порыва массовой души молящихся къ источнику мудрости, къ кладезю укрѣпляющей насъ благодатной силы, къ Подателю благихъ и вѣрному Помощнику въ бѣдахъ. Есть еще міряне, не стыдящіеся исповѣдать себя христіанами, православными, людьми церковными. Хвала имъ!

А то нынѣ, вѣдь, какъ? Масса вѣрующихъ стоитъ въ церкви за богослуженіями безъ дѣятельнаго участія въ нихъ. Во время богослуженія въ храмѣ наблюдается, какъ бы, три объекта: Богъ, Которому молятся, духовенство, которое дѣйствуетъ, говоритъ и поетъ — читаетъ, и — безмолвно стоящая толпа богомольцевъ.

Тутъ, мнѣ кажется, немного не такъ, какъ бы быть должно. Міряне обособились, или обособлены отъ духовенства. Создался классъ псаломщиковъ, за вознагражденіе читающихъ и поющихъ. Выходитъ, какъ будто молящаяся масса откупила отъ обязанности читать и пѣть въ церкви, отъ обязанности лично благодарить, хвалить и просить всесвятѣйшее Высшее Существо. Тутъ грѣхъ исторической, — и вопіющей грѣхъ.

Изстари не такъ было. Моисей и сыны израилевы воспѣли пѣснь (Исход. 14, 31) послѣ перехода черезъ Черное море. Иисусъ Христосъ, уходя изъ Сионской горницы, послѣ учрежденія таинства Евхаристіи, воспѣлъ не одинъ, а съ учениками вмѣстѣ (Матѣ. 26, 30). Апостоль Павелъ и Сила, молясь, воспѣвали Бога (Дѣян. 16, 25). Первые христіане, собираясь вмѣстѣ, участвовали въ чтеніи и въ общемъ пѣніи. Слово *ᾠδός* — жребій, которымъ и посейчасъ обозначаютъ мѣстостоянія «латнаго чтеца и пѣвца» — псаломщика, произошло, именно, отъ большого стремленія всѣхъ выступить чтецомъ въ собраніи вѣрующихъ: бросался жребій между охотниками, кому читать. Слышать это — намъ удивленіе . . . Отчего тогда такой былъ пылъ, а теперь такой холодъ? Тогдашніе христіане ближе ощущали Божество, вѣра ихъ была ярче нашей, стремленіе къ единенію съ Богомъ живѣе, и они постоянно входили въ религіозный энтузіазмъ и экстазъ. Послѣ раздѣленія церквей, западная церковь и родившіяся отъ нея исповѣданія сохранили у себя общенародное пѣніе, прибавивъ къ сему, впоследствии изобрѣтенный, органъ, чѣмъ облегчили изученіе

народомъ пѣнія и чѣмъ получили твердую поддержку общенародному пѣнію. Восточная же церковь не смогла сохранить у себя общенароднаго пѣнія и, поневолѣ, замѣнила могучее пѣніе массовой души жалкимъ пѣніемъ дешеваго наемника — псаломщика. То же произошло и съ чтеніемъ. Остатокъ народнаго чтенія находимъ еще въ обычаѣ читать Апостольскія дѣянія въ вечеръ Великой Субботы, передъ началомъ полунощницы. Картинно изобразилъ психологію такой подтасовки нанятыхъ молельщиковъ, взамѣнъ истинныхъ, собственныхъ обязанностей самой массы богомольцевъ, недавно бывший въ Финляндіи, бывший проповѣдникъ арміи Врангеля, протоіерей Іоаннъ Чернавинъ. Въ Сербіи, говорилъ онъ, «братушки» въ церковь не ходятъ, а говорятъ: «Ты, попа, молись: деньги за это получаешь, а мы въ кафану идемо, да мало ракіа (водки) и вина піемо.»

Правда, поставивъ присяжнаго чтеца въ параллель съ другими специалистами своего дѣла, можно бы думать, что онъ-то прочтетъ лучше случайнаго, но — за дешевое вознагражденіе, каковое имѣютъ псаломщики, искуснаго чтеца не достать, да и опытъ показаль, что въ псаломщики рѣдко кто пошелъ по призванію, а больше . . . по нуждѣ, когда ужъ некуда было больше дѣваться . . . Поэтому у большинства ихъ нѣтъ духа, нѣтъ горѣнія, нѣтъ потому и одухотвореннаго и воодушевляющаго чтенія.

Псаломщикъ въ нашей церкви нуженъ, но онъ нуженъ, какъ руководитель пѣнія и чтенія, какъ регентъ и уставщикъ, но онъ не долженъ-бы быть постояннымъ и незамѣняемымъ, «вѣчнымъ» чтецомъ и дьячкомъ. Оставьте ему наиболѣе измѣняемыя чтенія, но неизмѣняемыя чтенія, вродѣ шестопсалмія, кафизмъ, канона, часовъ, апостола, молитвъ до и послѣ причастія и пр., прочитайте вы, души христіанскія, по очереди. Сколько возможности въ молитвенномъ чтеніи излить Богу свою душу и, черезъ чтеніе съ душой, помочь сокрушеннымъ ударами судьбы, измученнымъ тяжелымъ крестомъ жизни, изнывшимъ «въ печали, яже по Бозѣ», успокоиться въ Богѣ, найти опору въ вѣрѣ, поддержку въ таинствахъ, ласку неба въ слезахъ! . . . Сколько возможности для всякаго истинно вѣрующаго заразить собравшихся въ храмъ силою своего личнаго молитвеннаго настроенія, можетъ быть, даже экстаза, наэлектризовать сотни находящихся сейчасъ подъ влияніемъ чтеца и потянуть за собой къ Богу! Вѣдь какая сила у чтеца!

Боголюбивѣйшій братъ и сестра! Почему вамъ не испытать, не использовать вашей духовной силы надъ толпой въ церкви? Вѣдь вы умѣете читать. Почему бы вамъ не выйти изъ инертно стоящей толпы и не благословиться у о. настоятеля прочесть что-нибудь «съ огонькомъ»? Способности даны для того, чтобы ихъ употреблять, какъ огонь для того, чтобы свѣтить и грѣть. Съ дѣтства уже декламируютъ въ школахъ,

въ обществахъ и пр., но . . . только не въ церкви, не для славословенья Бога, не для блага ближняго . . . Нѣтъ. Если Духъ Божій есть въ васъ, то дѣйствуйте! Дерзайте!

И то еще. У присяжныхъ чтецовъ развивается чтеніе монотонное, трафаретное, словомъ — чтеніе ради куска хлѣба. Свѣжіе же чтецы изъ «вѣрующихъ» изъ «горящихъ», изъ любящихъ Бога и людей и пекущихся не только о своемъ, но и о ближняго спасеніи, прочитаютъ каждый съ подъемомъ, — уже скучно-заунывного, мертваго и мертвящаго чтенія не будетъ. До сихъ поръ памятна мнѣ — и считаю дорогимъ для себя — благодарность одной русской дачницы, пожилой дамы, очень набожной и серьезной, лѣчившейся на курортѣ въ г. Гапсалѣ, въ Эстоніи, которую она постѣ одной литургіи, въ лѣтнемъ сезонѣ, въ мѣстной церкви, съ большою искренностью выразила мнѣ за «чуждое», яко-бы, чтеніе мною часовъ предъ литургіей. «Я, говорила она, никогда не думала, чтобы часы можно было съ чувствомъ и такъ выразительно прочитать. Ваше чтеніе открыло мнѣ столько содержания въ псалмахъ, такъ близко касающихся меня, моего внутренняго состоянія, что я была растрогана и плакала!

Читатели! Повліять на душу ближняго, войти туда и совершить тамъ святое движеніе, можетъ быть, даже перевернуть, — это высокое удовольствіе и высокая награда за трудъ. . . Поборите же ложный стыдъ и малодушную робость и, по примѣру инженера, товарища прокурора и неизвѣстной мнѣ дамы — чтицы, хоть изрѣдка участвуйте въ чтеніи въ вашей приходской церкви. Это — вашъ долгъ. Мы въ этомъ далеко отстали отъ первыхъ вѣковъ, мы застыли въ вѣкахъ образовавшемся шаблонѣ и продолжаемъ откупаться наймомъ чтецовъ и пѣвцовъ. Смотрите въ оба: и сектанты всевозможныхъ толковъ, люди недовольные всѣми видами христіанскихъ вѣроисповѣданій, ввели у себя свободу въ чтеніи, даже въ поученіяхъ, не говоря уже объ употребленіи у нихъ общенароднаго пѣнія. Помогите и вы, со своей стороны, оживить наши богослуженія. Почему-бы и мальчикъ-ли или дѣвочка, съ достаточно сильнымъ голосомъ, не могъ медленно прочитать на всенощномъ, напр., «Нынѣ отпускаеши . . .», обычное начало . . ., «Сподоби, Господи, въ вечеръ сей» . . . и под?

Идите же ближе къ своей православной матери-Церкви, а черезъ Церковь — къ Богу, и ведите за собой своихъ милыхъ и дорогихъ дѣтокъ, да почитъ на васъ и на дѣтяхъ вашихъ благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и причастіе Святого Духа!

Епископъ Германъ.

* * *

Преподобный Трифонъ Печенгскій.

Въ православныхъ храмахъ Финляндіи издавна молитвенно поминаются имена преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ и Арсенія Коневского, какъ духовныхъ просвѣтителей Финляндской Карелии. Жизнеописанія и благочестивые труды этихъ подвижниковъ довольно извѣстны среди православнаго населенія Финляндіи, привыкшаго чтить ихъ память и

обращаться въ своихъ молитвахъ къ ихъ предстательству предъ Престоломъ Божиимъ. Но съ недавняго времени, на ряду съ именами преподобныхъ Сергія, Германа и Арсенія, въ храмахъ стало поминаться также имя преподобнаго Трифона Печенгскаго.

Кто былъ преподобный Трифонъ, когда и гдѣ онъ подвизался и почему имя его поминается вмѣстѣ съ именами просвѣтителей Финляндской Карелии? — извѣстно сравнительно немногимъ.

Преподобный Трифонъ, сынъ Новгородскаго священника, родился въ 1495 году. Съ дѣтскихъ лѣтъ, будучи близокъ къ храму Божию, неизмѣнно посѣщая церковныя богослуженія и участвуя въ нихъ чтеніемъ и пѣніемъ, онъ воспиталъ въ себѣ религіозную настроенность, стремился къ богоугодной жизни. Это стремленіе, подъ вліяніемъ благочестиваго чтенія, рано перешло въ немъ въ твердое рѣшеніе всецѣло посвятить свою жизнь служенію Богу. Больше всего его привлекала мысль о жизни въ полномъ одиночествѣ, чтобы вдали отъ мірскихъ соблазновъ всецѣло посвятить себя молитвѣ въ постѣ и лишеніяхъ ради спасенія души. Онъ уже недалекъ былъ отъ осуществленія своего рѣшенія, но одно случайное обстоятельство измѣнило его.

Изъ богатаго, торговаго Новгорода многіе рыбопромышленники и купцы, торговавшіе рыбой и мѣхами, ѣздили на крайній сѣверъ за нужными имъ товарами. Однажды одинъ изъ такихъ рыбопромышленниковъ, возвратясь изъ своей поѣздки на сѣверъ, въ присутствіи Трифона, рассказывалъ о народѣ, живущемъ въ томъ краю, откуда онъ вернулся. Этотъ край былъ Кольскій полуостровъ, или Печенгскій край, а народъ — лопари. «Живутъ эти лопари, рассказывалъ пріѣз-

жій, словно животныя какія: ни у нихъ городовъ, ни селеній. Каждая сѣмья составляетъ какъ бы отдѣльный поселокъ изъ одного жилья: словно звѣри въ берлогахъ. Кругомъ лѣса, болота. Да и лѣса-то суровые, темные — хвоя одна: ель, сосна, можжевелъникъ. Скучно жить въ такой сторонѣ. А еще скучнѣе, какъ вспомнишь, что ни Бога, ни церковей нѣтъ у этихъ несчастныхъ людей. За Бога принимаютъ волка, медвѣдя; имъ и молятся! . . . Вотъ ужъ подлинно темные люди! Дождутся ли они, что и до нихъ дойдетъ свѣтъ истиннаго ученія Христова?»

Трифонъ чутко прислушивался къ рѣчамъ рыбопромышленника и, казалось, боялся пропустить изъ нихъ единое слово. А когда гость ушелъ, то онъ сталъ по порядку припоминать и обдумывать все, что тотъ говорилъ; и сталъ онъ думать: «хорошо бы пойти къ лопарямъ, научить ихъ истинному Богу.» Но очень ужъ манило его одиночество въ пустынь. «Если я въ пустыню пойду», думалъ онъ, «спасу себя отъ всякаго грѣха. Живя съ людьми, то и дѣло грѣшишь и словомъ, и мыслью, и поступками: про одного скажешь нехорошо, про другого подумаешь гадко . . . А ужъ въ пустынь грѣшится не съ кѣмъ. Только живи и молись» . . . И не зналъ онъ, на что рѣшиться. «А что Христосъ сказалъ», продолжалъ онъ размышлять; «любите другъ друга» . . . Какъ проявлю я свою любовь къ братьямъ моимъ, если пойду въ пустыню, зная ихъ духовную нищету? . . . Пойду къ лопарямъ, стану жить между ними, отвращу ихъ отъ язычества и обращу къ Богу». Подумалъ это Трифонъ, и все лицо его прояснилось отъ такого рѣшенія. Что задумалъ Трифонъ, то и сдѣлалъ: ушелъ изъ Новгорода, изъ теплаго отцовскаго угла, въ далекую, холодную дикую страну для проповѣди христіанства звѣроподобнымъ язычникамъ. Какого труда ему стоило добраться до Кольскаго полуострова. Разстояніе отъ Новгорода туда немалое. А что представляли въ тѣ времена дороги? Поэтому можно себѣ представить, какъ было трудно не только идти пѣшкомъ по неубитой дорогѣ, но и вообще находить какую-нибудь дорогу.

Чѣмъ ближе къ сѣверу приближался Трифонъ тѣмъ путь становился труднѣе. Начались непроходимые лѣса, а лѣса смѣнялись болотами. Ни жилья, никакого строенія. Преподобный Трифонъ, чтобы не умереть съ голоду, присталъ къ рыбопромышленникамъ. Вплоть до рѣки Печенги преп. Трифонъ шелъ вмѣстѣ съ рыбопромышленниками. Здѣсь онъ поблагодарилъ ихъ за добрую помощь и распростился съ ними, а самъ пошелъ въ первое попавшееся селеніе лопарей. Понемножку преп. Трифону удалось заговорить съ лопарями объ ихъ богахъ. Онъ сперва просилъ ихъ рассказать о томъ, во что они вѣрують, есть ли у нихъ боги. Когда они ему рассказали о своей вѣрѣ и своихъ богахъ, онъ и говоритъ имъ: «а теперь я вамъ расскажу про нашу вѣру» — и расска-

заль имъ всю жизнь Исуса Христа, его проповѣдь, ученіе, страданія, смерть и воскресіе.

Преп. Трифонъ твердо зналъ священное писаніе и умѣлъ очень хорошо его рассказывать. Теперь, когда преп. Трифонъ проповѣдывалъ Евангеліе лопарямъ, рассказъ ему особенно удавался. Вмѣстѣ съ тѣмъ столько кротости было въ его рѣчахъ, въ его взглядѣ, что даже дикіе лопари въ первое время слушали его со вниманіемъ. А потомъ, спохватились, поняли, что онъ хочетъ обратить ихъ въ свою вѣру, и такъ разсердились на него, что чуть не убили его.

Особенно же разсердились на преп. Трифона лопарскіе кубены или кудесники (колдуны). Они испугались, что лопари увѣрують во Христа и тогда имъ уже не нужны будутъ кудесники, а отъ этого кудесники потеряютъ свою власть надъ лопарями и лопари перестанутъ кормить ихъ и носить подарки. И тяжело доставалось преп. Трифону отъ кубеновъ; они не разъ набрасывались на него, били, истязали его.

Преп. Трифонъ терпѣливо переносилъ и брань, и побои язычниковъ, и неумоимо проповѣдывалъ Евангеліе. Его выгонялъ, затравлялъ собаками въ одномъ жилищѣ, — а онъ, благословляя обидѣвшихъ его, уйдетъ въ другое жилье, если и тамъ встрѣтятъ его непривѣтливо, — онъ уйдетъ еще дальше. Но пройдетъ мѣсяць, два, — и онъ опять вернется на прежнее мѣсто, откуда его прогнали. И такъ, благодаря своему упорству, терпѣнію, самоотверженію, ему удалось наконецъ обратить въ христіанскую вѣру лопарей, живущихъ по берегамъ рѣки Печенги.

Но у новообращенныхъ христіанъ не было храма; ихъ некому и негдѣ было крестить. Преп. Трифонъ крестить не могъ: онъ былъ мірянинъ. Тогда онъ задумалъ идти въ Новгородъ къ митрополиту Макарію. Добравшись до Новгорода, онъ пришелъ къ митрополиту, рассказалъ ему о лопаряхъ, объ ихъ обращеніи въ христіанство и сталъ просить у него позволеніе построить на Кольскомъ полуостровѣ церковь. Митрополитъ позволилъ.

Теперь оставалось побороть самое трудное: у преп. Трифона денегъ не было, заплатить за построеніе храма было ему нечѣмъ. Надо было уговорить новгородскихъ плотниковъ идти пѣшкомъ на дальній сѣверъ и не ждать за построеніе церкви никакой платы, а сдѣлать это для Бога. И вотъ сталъ преподобный убѣждать плотниковъ потрудиться во имя Божіе. Онъ говорилъ такъ хорошо, что плотники согласились и пошли вмѣстѣ съ нимъ къ лопарямъ. И вотъ, спустя нѣкоторое время, среди дремучихъ лѣсовъ глухого, дикаго полуострова была построена православная церковь. А затѣмъ въ ближайшемъ городѣ преподобный отыскалъ одного монаха Илью и уговорилъ его сдѣлаться священникомъ въ этой церкви и окрестить лопарей.

И вотъ въ 1532 году совершилось великое дѣло на

Кольскомъ полуостровѣ: лопари окрестились. А послѣ этого преп. Трифонъ постригся въ монахи и построилъ на Печенгѣ монастырь, въ которомъ былъ первымъ монахомъ, а потомъ игуменомъ.

Скоро желающихъ поселиться въ монастырь нашлось много, а содержать братію было не на что: у монастыря не было никакихъ средствъ. И вотъ преп. Трифонъ рѣшается предпринять новый подвигъ: онъ задумалъ идти въ Москву къ самому царю Іоанну Грозному просить у него помощи для новой обители.

Совершить путь въ Москву съ Кольскаго полуострова — это и теперь, при помощи пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, трудъ не легкій, и теперь на него не всякій рѣшится. А тогда, при Іоаннѣ Грозномъ, да еще идти безъ денегъ — это былъ настоящей подвигъ. Но преп. Трифонъ не боялся новыхъ трудовъ, для него жизнь въ заботахъ о другихъ сдѣлалась необходимою.

Совершилъ преп. Трифонъ путь въ Москву и добился свиданія съ царемъ. Іоаннъ Грозный выслушалъ его рассказъ о лопаряхъ, объ ихъ обращеніи въ христіанство — и милостиво обошелся съ подвижникомъ: отпустилъ его съ богатыми дарами и грамотой, по которой въ пользу монастыря отходили рыбныя ловли и другія многія угодыя.

Снова преп. Трифонъ вернулся къ лопарямъ и поселился въ новоустроенномъ монастырѣ. Теперь, казалось, онъ могъ спокойно отдыхать отъ всѣхъ подвиговъ. Онъ много сдѣлалъ для ближняго; все дѣлалъ, какъ велѣлъ Христосъ: прощалъ врагамъ и заботился всю жизнь о другихъ, но онъ еще не хотѣлъ уходить отъ служенія людямъ; онъ никогда не забывалъ объ этомъ служеніи, не закрывалъ глаза на людскія нужды и какъ скоро его помощь была нужна, онъ тотчасъ оставлялъ монастырь и шелъ къ людямъ.

Но наконецъ силы его совсѣмъ ослабѣли, и онъ сидѣлъ безвыходно въ своей кельѣ. И вотъ разъ, чувствуя себя нехорошо, преподобный призвалъ братію и сказалъ ей: «Когда я умру, похороните меня у церкви Успенія Пресвятой Богородицы» и скончался. Это было 15-го декабря 1583 года.

Монахи въ точности исполнили наказъ и похоронили преподобнаго Трифона у церкви Успенія Пресвятой Богородицы, которую преподобный незадолго до своей кончины построилъ.

Съ присоединеніемъ Печенгскаго края къ Финляндіи, основанный преподобнымъ Трифономъ монастырь, существующій и нынѣ, вошелъ въ составъ Финляндской православной церкви, а населяющіе теперь этотъ край лопари, финны, карелы и русскіе переселенцы являются чадами этой церкви. Поэтому въ православныхъ храмахъ Финляндіи имя преподобнаго Трифона, просвѣтителя Печенгскаго края христіанскимъ ученіемъ, поминается вмѣстѣ съ именами просвѣтителей Фин-

ляндской Кареліи преподобныхъ Сергія, Германа и Арсенія.

Имя святого угодника Божія Трифона до сихъ поръ чтится между лопарями. И сейчасъ рыболовы, отправляясь на рыбную ловлю, особенно молятся ему и призываютъ имя его во время бури.

Память Святого Трифона чтится православною церковью 15 декабря, въ день его блаженной кончины.

«Святый, преподобный Трифоне, моли Бога о насъ!»

Н. Казанскій.

* * *

Пасхальная ночь въ селѣ Горбатовкѣ.

(Сценка изъ Сибирской жизни.)

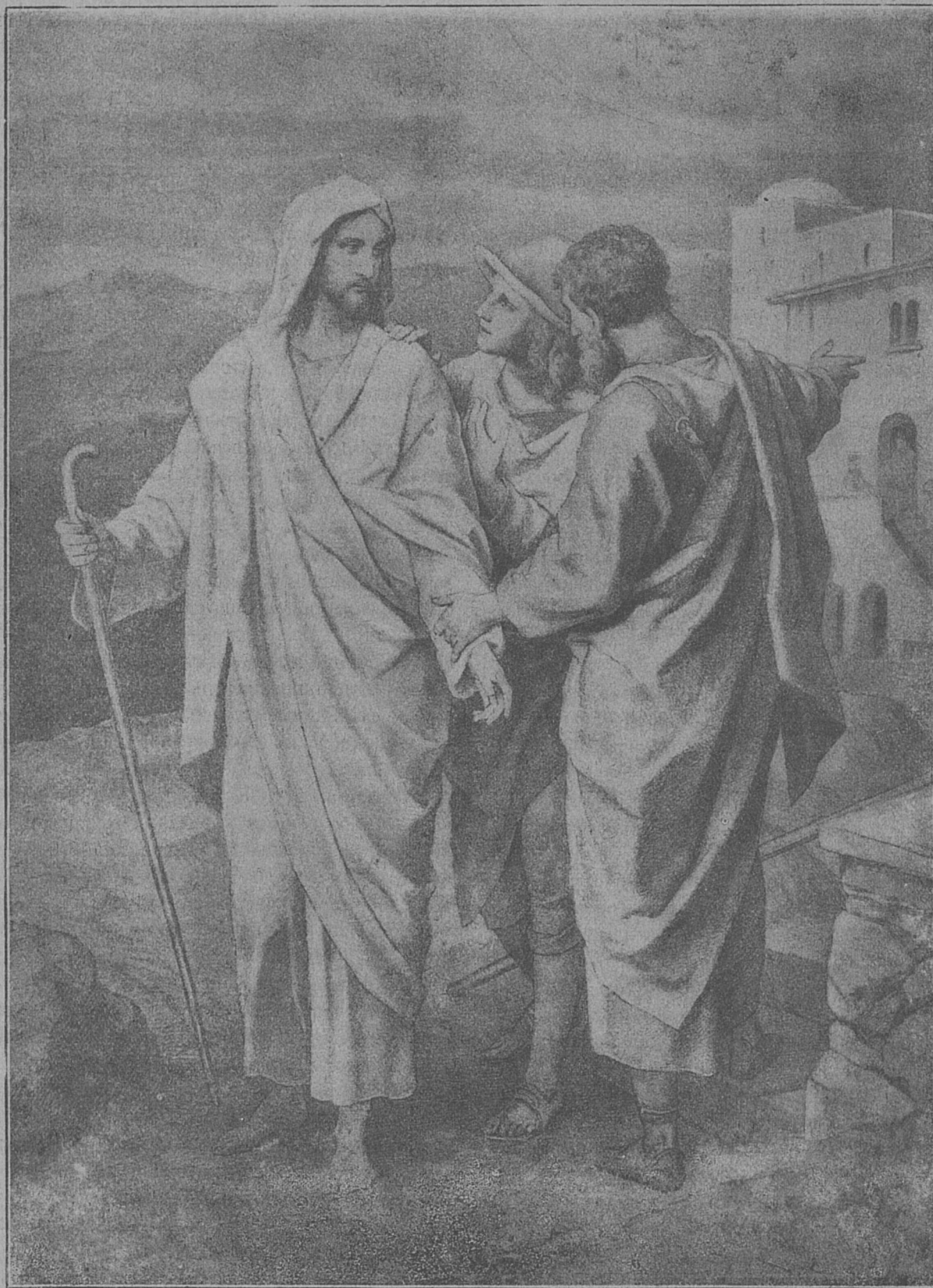
Страстная суббота . . . Яркій и солнечный весенній день уже началъ смѣняться теплыми и прозрачными весенними сумерками. На ясномъ, темнѣющемъ небосклонѣ появилась первая звѣзда, — этотъ первый нѣмой привѣтъ неба наступающей великой и святой ночи. Будничная, шумная, рабочая жизнь большого Сибирскаго торговаго села Горбатовки почти замерла. Уже не слышно звуковъ топора и по селу не проѣзжаютъ столь обычные въ будніе дни воза съ сѣномъ и дровами. Лишь образовавшійся у сельскаго храма отъ тающаго снѣга большой ручей несмолкаемо поетъ свою монотонную нѣсню, да слышно, какъ въ отдаленіи у колодца переругиваются двѣ сосѣдки, не могущія, какъ видно, еще покончить своихъ будничныхъ счетовъ:

— «Отстань, ржавчина, чего пристала-то» — доносится голосъ одной изъ нихъ, какъ видно, Уланьши, — жены сельскаго кузнеца.

— «Да я съ такой помойкой, какъ-ты, и разговаривать-то не хочу» — слышится отвѣтъ другой, — Варвары Красновой. Послѣ этого бабы, довольныя тѣмъ, что обругали другъ друга, расходятся по домамъ продолжать свою предпраздничную стряпню. Наступаетъ тишина. Почти всѣ жители села погружаются въ сонъ, чтобы затѣмъ бодрыми и свѣжими пойти къ «страстямъ» и къ свѣтлой заутренѣ. Не спать во всѣхъ домахъ лишь хозяйки: однѣ изъ нихъ сажаютъ въ печи или вынимаютъ изъ нихъ большіе, сдобные куличи, а другія хлопочутъ надъ приготовленіемъ пасхальнаго обѣда, чтобы затѣмъ, сунувъ его въ горячую нечъ, переодѣться и пойти въ церковь.

Около большого сельскаго храма въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, находящагося на горкѣ, въ маленькомъ отдаленіи отъ села, замѣтно большое оживленіе — то идутъ послѣднія приготовленія къ ночной пасхальной иллюминаціи. На площади, предъ церковной оградой, мѣстный старожиль Василій Вью-

По дороге въ Еммаусь (Лук. 24, 13—35).

гинь устанавливает из смолистых бочек и пней два больших костра для освещения входа к храму. На воротах церковной ограды сидит парень лет восемнадцати, по прозвищу «Боба без очков» и усердно придвигает к воротам какой-то замысловатый, вертящийся фейерверк — «солнце». Около церковной паперти человек 20—30 сельских подростков занято приготовлением трех-четырех сотен разноцветных фонариков для развски их вокруг церкви. Среди этой шумной дѣтской ватаги особенно сильно хлопчут два пріятеля-подростка — Митька Павлов и Валя Пекарев. Они здѣсь за «заправиль», за «распорядителей» и, то-и-дѣло, слышатся их «дѣловые» окрики и распоряженія: «Эй! Мишка Улич и Сашка Королев, тащите сюда еще фонарей! Кено Блин, сбѣгай к Лукѣ, скажи, что свѣчей не хватает! Лешка Сучков и Васька Лейбаков, начинайте развшивать фонари!». Тут же два подростка — Шура Ленсманов и Коля Пуйкинев хлопчут над устройством ящика с проsvчивающими буквами X. B., чтобы потом повѣсить его над входомъ въ храмъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этой дѣтвы идутъ другія приготовления: тамъ, подъ руководствомъ начальника сельской пожарной дружины Вани Маркизова устанавливаются фейерверки для пасхальнаго крестнаго хода. Ваня — большой любитель всякихъ иллюминацій и фейерверковъ и теперь онъ хлопчетъ такъ усердно, что кажется, будто онъ и самъ былъ бы готовъ вмѣстѣ съ ракетами полетѣть къ небу, если бы это только было возможно. Идя съ группою сельскихъ парней вокругъ храма, онъ разстанавливаетъ на нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга палки съ привязанными къ нимъ фейерверками и попутно даетъ сопровождающимъ его парнямъ наставленія о томъ, какъ имъ обращаться съ ракетами: «ты, Захарка Укѣ, помни — говорить онъ, — раньше времени не разговляйся, а то, того-и-гляди, проsvвѣаешь зажечь фитиль во время; а ты, Павинько, завѣдуй этой римской свѣчой, только держи ее прямо, а не наклонно, чтобы не угодить батюшкѣ въ лицо; ты, Вася Купчикъ, возьми на свое попеченіе эту бенгальскую горку, только помни, бутылки съ медомъ въ карманъ на это время не клади, а то опять обольешь спички и не успѣешь когда надо зажечь горку, какъ въ прошломъ году» . . . Въ еще большемъ отдаленіи отъ храма, на окружающемъ церковъ погостѣ, два парня — Петя Заводчикъ и Лева Копиновъ — заряжаютъ порохомъ откуда-то раздобытую старую пушку, чтобы «пальнуть» изъ нея предъ началомъ церковнаго звона. «Вотъ саданетъ-то — хвастается Петя — вѣдь мы въ нее три фунта пороху маханули.»

Мимо этихъ хлопчущихъ у церкви работниковъ-любителей, то и дѣло проходятъ на погостъ люди разнаго возраста и пола, держа въ рукахъ большіе, свѣ-

ланные изъ можжевелника и ели, вѣнки съ искусственными на нихъ цвѣтами. То — сельчане, у которыхъ смерть за время съ прошлой пасхи унесла въ могилу близкихъ имъ людей. Они идутъ на погостъ, чтобы предъ наступленіемъ свѣтлаго праздника поклониться дорогимъ имъ могиламъ и возложить на нихъ вѣнокъ и красное яичко. Незатѣливы, просты эти вѣнки, но велика и свята та любовь, которая заставляетъ этихъ людей предъ наступленіемъ Святой Ночи идти съ пасхальнымъ привѣтомъ къ дорогимъ имъ могиламъ . . . Вотъ идетъ дѣвица Клавдюша: она только что предъ пасхою лишилась своей матери Дарьи и теперь идетъ поклониться ея могилѣ . . . Вотъ маляръ Аркадій: смерть унесла у него подругу жизни Любу, оставивъ его съ двумя малолѣтними дѣтьми . . . А вотъ двое маленькихъ дѣтей крестьянина Ниандрона несутъ вѣнокъ на могилу своей недавно умершей матери Домны . . . Вслѣдъ за другими тихо, сгорбившись, идетъ на погостъ и бабушка Дуня, чтобы зажечь лампадку на могилѣ своего усопшаго мужа и положить на нее, вмѣстѣ съ пасхальнымъ яичкомъ, вѣтку разцвѣтшей дома герани . . .

Девять часовъ вечера. Темно. Въ селѣ, какъ и вокругъ церкви, — все тихо. Церковный сторожъ, семидесятилѣтній старикъ Максимычъ, идетъ на колокольню и мѣрно ударяетъ двѣнадцать разъ въ большой колоколъ: это звонъ къ «страстямъ». Изъ находящагося около церкви причтоваго дома показывается сѣдой, какъ лунь, батюшка о. Арсеній и медленной походкой идетъ къ церкви. Въ село Горбатовку судьба забросила его совсѣмъ еще недавно. Но и за то короткое время, которое о. Арсеній здѣсь живетъ, уже успѣли образоваться крѣпкія, духовныя нити между нимъ и его новыми прихожанами. Послѣдніе сердцемъ почувствовали, что ихъ батюшка — молитвенный, добрый батюшка, который и «мухи не обидитъ», и потому всѣ, какъ одинъ человекъ, крѣпко его полюбили . . .

Въ церкви — таинственный полумракъ. Лишь кругомъ плащаницы, украшенной роскошнымъ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ, пріобрѣтенномъ на добротныя лепты прихожанъ, горятъ четыре лампы. О. Арсеній идетъ въ алтарь, одѣваетъ тамъ эпитрахиль, и затѣмъ, возвратившись къ плащаницѣ, дѣлаетъ крестное знаменіе и начинаетъ чтеніе «страстей»: «Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о, Феофиле, яже начатъ Иисусъ творити же и учити . . .»

Мало-по-малу въ церковъ начинаютъ приходитъ прихожане: одни для того, чтобы почитать или послушать «Дѣянія», другіе — чтобы въ величественномъ полумракѣ храма помолиться предъ гробомъ умершаго Спасителя . . . Вотъ по правую сторону отъ плащаницы стоитъ на колѣняхъ и усердно молится старушка Аннушка Бѣлова. Крупныя слезы,

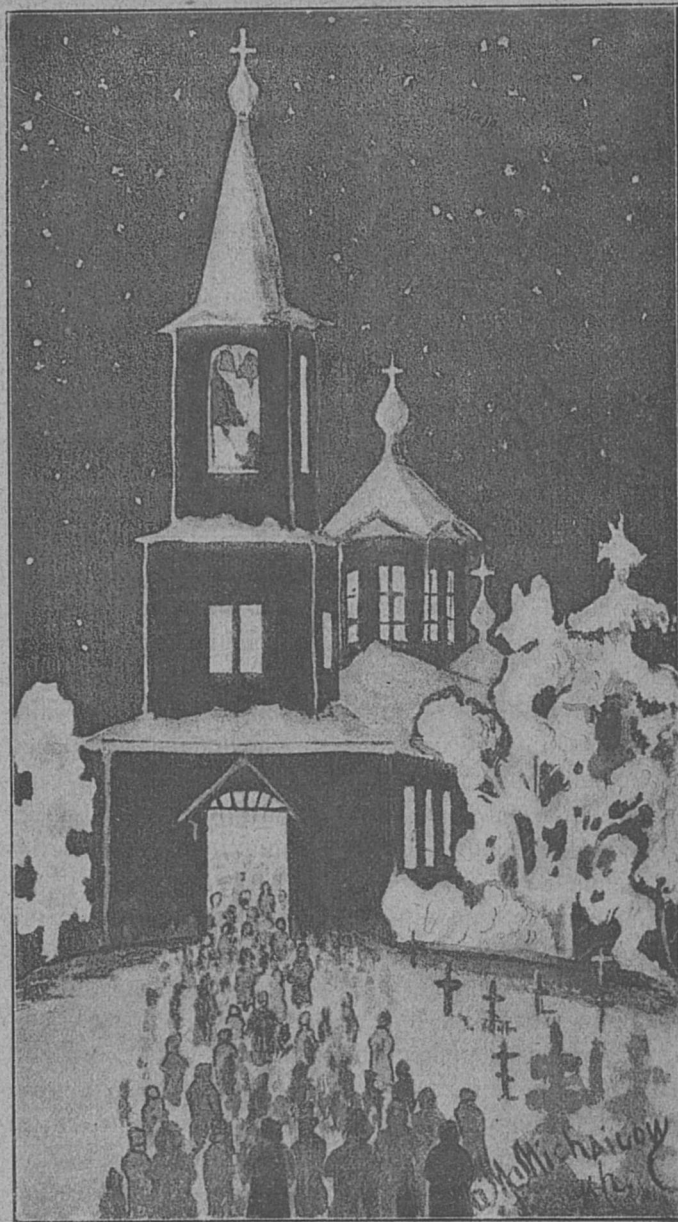
капля за каплей, падаютъ изъ ея глазъ на холодныя плиты церковнаго пола. Невеселая у нея пасха: идетъ уже третій годъ, какъ она лишилась своего кормильца-мужа, и теперь одинокая, всѣми забытая и оставленная, въ горячей молитвѣ у ногъ умершаго Христа, ищетъ она себѣ утѣшенія и новыхъ силъ для несенія своего жизненнаго креста . . . Почти рядомъ съ нею молится на колѣняхъ другая вдова, бабушка Катя. Ее зовутъ въ селѣ «Плаксой Катей», потому что она всегда плачетъ. Но какъ ей не плакать: вѣдь у нея во всемъ мѣрѣ нѣтъ ни одного близкаго человѣка, нѣтъ своего угла, нѣтъ даже маленькаго кулича, которымъ она могла бы разговѣться въ Свѣтлый Праздникъ . . . А вотъ къ одному изъ находящихся у плащаницы подсвѣчниковъ подходитъ тетушка Василиса, по прозвищу «Пампина» и, перекрестясь, ставитъ въ него свѣчку. Василиса — бойкая баба, въ карманъ за словомъ не полѣзетъ и въ обиду себя не дастъ, но и она утихла въ эти святыя минуты: поставивъ свѣчку, она становится на колѣни и начинаетъ молиться . . .

Между тѣмъ народъ все прибываетъ и прибываетъ, у плащаницы зажигаются все новыя и новыя свѣчи, и скоро ихъ уже такъ много, что некуда ставить . . .

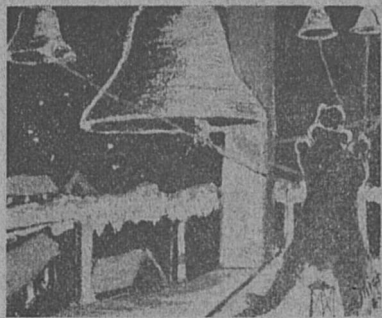
Около одиннадцати часовъ ночи вся дорога изъ села къ церкви уже полна народомъ. Одни — дальніе — ѣдутъ на лошадахъ, другіе—ближніе—идутъ пѣшкомъ, неся съ собою куличи и пасхи для освященія . . . Въ церкви тѣснота и давка. Большой приходскій храмъ, построенный на двѣ тысячи человѣкъ, теперь не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, и большая часть прихожанъ принуждена стоять подъ открытымъ небомъ, въ церковной оградѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ начала богослуженія. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго раздается оглушительный взрывъ; всѣ вздрагиваютъ, окна въ церкви дрожатъ. То — Петя Заводчикъ «саданулъ» изъ своей пушки, и какъ бы въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ, Максимычъ на колокольнѣ начинаетъ благовѣсть къ службѣ . . .

Въ церкви идетъ полунощница. «Волною морскою скрывшаго древле . . .» доносится на улицу стройное пѣніе хорошаго сельскаго хора подъ управленіемъ страстнаго любителя церковнаго пѣнія Прони Сучкова . . . Всѣ усердно молятся . . . На середину храма выходитъ въ бѣлыхъ пасхальныхъ облаченіяхъ о. Арсеній и съ помощью четырехъ уважаемыхъ прихожанъ — Николая Кузова, Василя Перлова, Сени Блинова и Назара Пименова — уноситъ въ алтарь плащаницу . . .

Полунощница окончена. Въ церкви наступаетъ священная тишина. Всѣ богомольцы съ горящими свѣчами въ рукахъ ждутъ крестнаго хода. О. Арсеній открываетъ царскія двери, беретъ въ одну руку кадило, а въ другую пасхальный трехсвѣчникъ съ крестомъ, и своимъ сильнымъ, хорошо сохранившимся

голосомъ, начинаетъ пѣть стихиру: «Воскресеніе Твое Христе Спасе, ангелы поютъ на небеси . . .». «И насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить» — подхватываетъ хоръ, и крестный ходъ начинаетъ медленно выходить въ ограду. А тамъ уже — море огней. Прямо предъ крестнымъ ходомъ взлетаетъ къ небу мощная ракета и тамъ разсыпается миррадомъ разноцвѣтныхъ огней. На ведущихъ въ ограду воротахъ вертится большое огненное «солнце», разбрасывая вокругъ себя снопы золотистыхъ искръ, а за воротами яркимъ пламенемъ горятъ два большихъ смолистыхъ костра. Весь путь крестнаго хода освѣщенъ огнями разноцвѣтныхъ фонариковъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ храма, на погостѣ, въ разныхъ мѣстахъ то и дѣло взлетаютъ ракеты и римскія свѣчи, горятъ горки бенгальскихъ огней, вспыхиваютъ, кружатся и взрываются разные фейерверки. Хоръ громко поетъ воскресную стихиру, но пѣніе заглушается усерднымъ

звономъ. Максимыча на колокольнѣ. Такъ крестный ходъ обходитъ вокругъ храма и затѣмъ возвращается въ церковный притворъ. Двери въ храмъ заперты. Всѣ крестноносцы, хоругвеносцы и мальчики размѣщаются предъ батюшкою, спиною къ храму. О. Арсеній, перекрестившись, дѣлаетъ обычное начало утрени и затѣмъ громко, торжественно начинаетъ пѣть радостный пасхальный гимнъ побѣды надъ смертью: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ» . . . Пѣвчіе усердно ему вторятъ. Но вотъ открываются церковныя двери, крестный ходъ входитъ въ храмъ и тамъ, послѣ мирной эктении, начинается пасхальный канонъ. Кто изъ насъ еще съ дѣтства не знаетъ этого канона! Кто изъ насъ не знакомъ съ этою единственною въ году службою — пасхальной заутреней! Ее не опишешь словами: ее надо почувствовать сердцемъ, пережить душою . . . Храмъ переполненъ, всѣ усердно молятся; у всѣхъ на лицахъ видны радость и ликование . . .

Прочитано знаменитое пасхальное слово Іоанна Златоуста, утрени подходитъ къ концу. Начинается общее «христосование» . . . Христосуются всѣ, безъ различія пола и возраста. Вчашніе враги дѣлаются друзьями; пропадаетъ различіе между богатымъ и бѣднымъ; лица, которыя еще вчера искали, чѣмъ бы досадить другъ другу, теперь съ чистымъ и яснымъ взоромъ привѣтствуютъ другъ друга словами «Христосъ Воскресе». Воистину исполняются слова па-

схальной стихиры: «Просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обнимемъ, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ» . . .

Потомъ слѣдуетъ обѣдня, по окончаніи которой происходитъ освященіе артоса, куличей и яицъ. Куличей много . . . сотни . . . Правильными рядами расположены они по церковному полу: въ каждый куличъ воткнуты яркій бумажный цвѣтокъ и горящая свѣчка. Отецъ Арсеній обходитъ эти ряды и кропитъ святою водою. Хозяева куличей завязываютъ ихъ въ платки и затѣмъ спѣшатъ домой разговляться. Церковь пустѣетъ . . . Вслѣдъ за другими идетъ домой и о. Арсеній, чтобы послѣ продолжительнаго поста разговѣться въ кругу своей семьи: матушки и дѣтей — славнаго Коли и шалуны Вѣруни . . .

занимается заря . . . Начинается первый день Свѣтлага Праздника . . .

О томъ, какъ жители Горбатовки проводятъ этотъ день, мы, дасть Богъ, повѣдаемъ нашимъ читателямъ въ пасхальномъ номерѣ будущаго года . . .

Илья Г—066.

Награды.

Ко дню св. Пасхи Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Германомъ награждены слѣдующія лица:

Наперстнымъ крестомъ: Настоятель Салминскаго прихода — свящ. о. І. Феодоровъ и настоятель Кидельскаго прихода о. И. Музовскій.

Камилавкою: священникъ Сердобольскаго прихода о. А. Казанскій, походный священникъ о. В. Толстохновъ и бѣженскій священникъ С. Музовскій.

Преподано Архипастырское благословеніе съ грамотою: настоятелю Вильманстрандскаго прихода протоіерю о. А. Разумову, настоятелю Коткинскаго прихода протоіерю о. М. Ильтонову и заштатному протоіерю о. А. Лебедеву. Діаконамъ: Гельсингфорскаго прихода — Н. Алвіанскому, Фридрихсгамской церкви — П. Трофимову и 1-го походнаго округа —

Ф. Вѣрикову. Псаломщикамъ: Абоскаго прихода — Г. Лебедеву, Вильманстрандскаго прихода — Н. Каменскому, Иломаницкаго прихода — Н. Скородумову и Гельсингфорскаго прихода — Н. Пылеву.

За труды по церковному пѣнію преподано Архипастырское благословеніе съ грамотою: М. С. Окуловой — въ Сердоболѣ, В. Ф. Иванову — въ Вильманстрандѣ и М. Спиридоновой, І. Тереска и А. Спиридонову — въ Корписелкя.

***

Неужели?

Неужели никто изъ учениковъ А. П. Соловьевича и Н. А. Морозова не пошлетъ имъ къ св. пасхѣ „краснаго янчка“? (см. Ут. Заря № 1).

